

Сибирскій ≡ ≡ Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи
и этнографіи Сибири, Средней Азіи и
Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№№ 6—8.

Юль — Августъ. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.

Эд.-тип. Т ва «М. П. Окуневъ и К^о».

1913.

Отъ редактора.

На время моего лѣтняго отсутствія въ г. Иркутскѣ
прошу по всѣмъ редакціоннымъ дѣламъ обращаться
къ сотруднику Михаилу Павловичу Овчинникову.

Адресъ его: г. Иркутскѣ. Городская Управа; или:
Б. Русиновская, 93.

А. Линьковъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ.

(Изъ воспоминаній современника).

I.

Ялutorовскъ — маленькій городокъ Тобольской губерніи — назначень былъ мѣстомъ ссылки многихъ видныхъ дѣятелей декабрьскаго возстанія въ 1825 г.

Послѣ каторги въ Нерчинскомъ округѣ, въ Ялutorовскѣ были поселены князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, Иванъ Ивановичъ Пушкинъ — другъ А. С. Пушкина, Иванъ Димитріевичъ Якушкинъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ — Апостолъ — родной братъ казненнаго Сергѣя Ивановича М.—А.; Василій Карловичъ фонъ-Тизенгаузенъ, члены Южнаго Общества Н. В. Басаргинъ и А. А. Ентальцевъ. Около этого же времени въ Ялutorовскѣ былъ поселень нѣкто Сабанскій, о которомъ говорили, что онъ сосланъ также въ связи съ декабрьскимъ возстаніемъ.

Декабристы жили въ Ялutorовскѣ особнякомъ.

Ялutorовская интеллигенція и чиновники боялись знакомиться съ ними, т. к. декабристы были объявлены важными государственными преступниками и состояли подъ особо строгимъ надзоромъ полиціи, такъ что даже переписка ихъ перлюстрировалась въ Тобольскѣ самимъ губернаторомъ.

Однако и въ Ялutorовскѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, сочувствовавшихъ декабристамъ. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ теперь покойный почтмейстеръ Филатовъ, затѣмъ управляющій питейными сборами Николай Васильевичъ Балакшинъ — родной дядя Балакшина — учредителя и деректора нынѣшняго Сибирскаго союза маслодѣльныхъ артелей, и, какъ не странно, третье мѣсто занимало духовное лицо — отецъ Стефанъ Знаменскій — протоіерей.

Черезъ почтмейстера и меня (я тогда тоже сужилъ на почтѣ) шла вся огромная переписка декабристовъ съ Россіей и заграницей. Разбирая почту, Филатовъ откладывалъ по извѣстнымъ ему одному примѣтамъ нѣкоторыя письма, адресованныя на его имя, и посылалъ ихъ со мной то тому, то другому декабристу. Благодаря оживленной перепискѣ, освѣ-

домленность декабристовъ о всемъ, что дѣлается даже за границей, была большая. Я помню, что еще за недѣлю до полученія извѣстій и манифеста о смерти Николая I-го къ почтмейстеру вѣзжалъ сильно возбужденный П. И. Пущинъ и объявилъ о смерти Императора.

Жили декабристы межъ собой довольно дружно, иногда собирались вмѣстѣ, но болѣею частью собранія эти происходили тайно отъ полиціи.

Чаще всего декабристы и ихъ немногіе друзья собирались въ большомъ домѣ съ красивымъ мезониномъ, принадлежаемъ богачу, барону Тизенгаузену. Это былъ большой и мрачный домъ, два раза сгорѣвшій до тла и вновь выстраиваемый барономъ.

Декабристы не любили вспоминать былого. Лишь иногда, когда съ ними были посторонніе люди, разговоръ переходилъ на прошлое. Но и въ такихъ случаяхъ говорили болѣе о своей частной жизни, политическихъ же волненій и прежней политической дѣятельности декабристы касались очень рѣдко, вскользь и то тогда, когда оставались лишь съ испытанными преданными друзьями.

Болѣе другихъ о прошломъ говорилъ П. И. Пущинъ. Онъ часто рассказывалъ о своей дружбѣ съ А. С. Пушкинымъ, о самомъ поэтѣ, о литературныхъ собраніяхъ, на которыхъ А. С. читалъ друзьямъ свои стихи. У Пущина было много собственноручныхъ писемъ и рукописей Пушкина, которыя П. И. и показывалъ собесѣдникамъ.

Чаще другихъ темъ разговоръ касался времени, проведеннаго декабристами на каторгѣ. Почти все жаловались на обиду и притѣсненія со стороны начальствующихъ лицъ, на тяжелый режимъ тюремно-каторжной жизни и на суровый климатъ Сибири. Между прочимъ, въ Ялutorовскѣ во время декабристовъ часто можно было слышать пѣню, характеризующую жизнь декабристовъ въ ссылкѣ:

1.

Бывало, въ домѣ преобширномъ
Въ кругу друзей, среди родныхъ
Живешь себѣ въ весельѣ мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

2.

Теперь же въ закопѣлой хатѣ
Между крестьянъ всегда живешь,
Забьешься, скорчась, на полати
И на соломѣ такъ заснешь.

3.

Бывало, предо мной поставять
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимовомъ бламанже приправлять,
Сяжу и ничего не ъмъ.

4.

Теперь похлебкою дурною,
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ,
Дадутъ капусты мнѣ съ водою —
ъмъ, за ушами лишь нищить.

5.

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ъсть нельзя,
Шампанское пьешь иль мадеру,
Стаканы съ пуншемъ вокругъ тебя.

6.

Теперь отбросивъ все бездѣлки,
Стремглавъ бѣжишь къ жиду въ корчму,
На гривну тишишь тамъ горѣлки
И радъ блаженству своему.

и т. д.

Пѣсенка, сочиненная, какъ говорили, декабристомъ, княземъ Одоевскимъ и разосланная имъ другимъ декабристамъ, сдѣлалась такъ популярна, что ее знали наизусть даже все школьники.

Въ общемъ декабристы жили тихо, видимо скучали и мечтали объ амнистии и возвращеніи въ Россію. Особенное оживленіе они проявляли лишь, когда получалась почта и были письма изъ за-границы. Съ кѣмъ они переписывались тамъ—я не знаю; изъ друзей своихъ они особенно оживленно переписывались съ фонъ-Визинимъ, жившимъ въ сѣлкѣ въ Тобольскѣ. Переписка эта шла главнымъ образомъ черезъ протоіерея Знаменскаго.

II.

В. К. фонъ-Тизенгаузенъ.

Ни о комъ такъ много не говорили, какъ о баронѣ Тизенгаузенѣ. Межъ интеллигентной частью ялуторовцевъ ходили слухи, что баронъ принадлежалъ къ масонской ложѣ—темная же часть Ялуторовска, а тогда этотъ, захолустный и сейчасъ, городокъ почти весь былъ темнымъ, называла Ти-

зенгаузена чернокнижникомъ и чародѣемъ. Слухи эти находили себѣ нищу въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ огромнаго дома барона стояло нѣсколько большихъ алебастровыхъ статуй нимфъ, фавновъ и олимпійскихъ боговъ. Эти «чудовища» съ козлиными ногами и рогатыми головами навѣдвали страхъ на прислугу, убирающую комнату, и по городу ходили слухи о ночныхъ колдовствахъ Тизенгаузена, объ оргіяхъ его съ чертями и каменными нагими дѣвками.

— Формазонъ! — прозвали его ялуторовцы. Тизенгаузенъ, страстный садоводъ, разбилъ у своего дома на пустырь фруктовый садъ, въ которомъ вмѣстѣ съ наемными рабочими каждый день работалъ самъ съ заступомъ въ рукахъ. Онъ самъ разсаживалъ яблони, устраивалъ аллеи, вскапывалъ клумбы и каталъ тачку съ дерномъ, при чемъ шутилъ:

— На каторгѣ выучился.

Мѣщане живо истолковали трудолюбіе Тизенгаузена на свой ладъ.

— Ишь его ворочаетъ. Такой богатый, а самъ тачку катаетъ. Это ему черти покой не даютъ.

И при встрѣчѣ съ нимъ тихонько крестились.

Въ домѣ Тизенгаузена не было иконъ, что въ то время было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, онъ не любилъ и никогда не принималъ священниковъ, никогда не ходилъ въ церковь и не молился.

Когда горѣлъ домъ барона, то изъ всѣхъ вещей онъ самъ вынесъ статую Нептуна съ трезубцемъ, но болѣе ничего не велѣлъ выносить, пожарнымъ же указалъ на смежныя постройки и коротко бросилъ:

— Отстаивайте это.

Ялуторовцы по этому поводу говорили:

— Формазонъ только главнаго черта вытанцилъ. Всѣхъ хотѣлъ сжечь, да испугался.

Страхъ передъ чернокнижникомъ былъ такъ великъ въ народѣ, что несмотря на то, что домъ Тизенгаузена съ драгоцѣнной, выписанной имъ изъ Риги обстановкой, надворными постройками, амбарами и кладовыми никѣмъ не охранялся и у барона даже не было мужской прислуги, воры никогда не пытались его ограбить.

Впрочемъ, однажды произошелъ такой случай.

Какъ то ночью, возвращаясь отъ Муравьева-Апостола, Тизенгаузенъ замѣтилъ, что въ одинъ изъ амбаровъ проникли воры. — Подошелъ.

— Вы что тут дѣлаете, друзья мои?

Ужасу воршиекъ передъ появленіемъ чернокнижника не было предѣловъ. Они стояли, не шелохнувшись, трепещущіе, не смѣя выговорить слова.

Баронъ продолжалъ:

— Я вижу у васъ въ рукахъ мѣшки; вамъ, вѣроятно, муки понадобилось. — Ну, берите же скорѣе и ступайте домой, но смотрите, больше безъ моего разрѣшенія не являйтесь!

Дождался, пока воршишки трясущимися руками нагребли муки и бросились бѣжать и спокойно пошелъ спать, даже не заперевъ амбара.

Средняго роста, лѣтъ шестидесяти, сѣдоватый, слегка сторбленный, онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, надъ чѣмъ то задумавшагося. Съ рабочими онъ былъ разговорчивъ, разсказывалъ о своей семьѣ, оставшейся въ Ригѣ, о своей работѣ на каторгѣ, о рудникахъ.

— Тамъ вотъ и сторбился.

Во время ссылки въ Ялutorовскъ къ Тизенгаузену пріѣзжали два его сына—офицера и прогостили довольно долго.

Тизенгаузена помидовали ранѣе, чѣмъ другихъ декабристовъ. Этому способствовали, вѣроятно, большія связи барона. Онъ уѣхалъ изъ Ялutorовска почти годомъ ранѣе другихъ.

И. И. Пущинъ и Е. П. Оболенскій.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій нѣкоторое время жили на одной квартирѣ. Они занимали приличный домъ, вмѣли выѣздъ и многочисленный штатъ прислуги.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій имѣли въ Ялutorовскѣ большое знакомство. Первый особенно дружилъ съ почтмейстеромъ Филатовымъ, а Оболенскій съ протоіереемъ Знаменскимъ. Оболенскій отличался набожностью. Его всегда можно было видѣть въ церкви усердно молящимся. Онъ любилъ принимать у себя священниковъ и бесѣдовалъ съ ними по долгу. Въ большіе праздники квартира его была открыта для дѣтей—славильщиковъ

Съ Пущинымъ у Оболенскаго были дружескія отношенія, хотя онъ, повидимому, не всегда раздѣлялъ взгляды своего друга. Пущинъ не былъ особенно набоженъ, чрезвычайно рѣдко посѣщалъ церковь, но священниковъ по праздникамъ принималъ охотно.

Оба эти декабриста отличались большою общительностью и доступностью для наряда, помогали обращающимся къ

нимъ и деньгами и совѣтомъ и юридическими знаніями. Они никогда не отказывали какому-нибудь бѣдняку — крестьянину или крестьянкѣ написать письмо сыну — солдату, составить прошеніе, жалобу или заявленіе. За это и Пущинъ и Оболенскій пользовались уваженіемъ и любовью мѣстнаго населенія, несмотря на то, что на этихъ декабристовъ, да еще на Д. П. Якушкина, полиція указывала, какъ на самихъ тяжелыхъ государственныхъ преступниковъ.

Отмѣчу одно, мнѣ кажется, особо важное обстоятельство. Въ кабинетѣ у князя Оболенскаго на столѣ всегда можно было видѣть небольшую непереплетенную книжку, на обложкѣ которой было напечатано крупными буквами — «На смерть Милорадовича». — Книжка содержала біографическіе очерки генерала, а на первой страницѣ, подъ обложкой было напечатано: «Генераль Милорадовичъ былъ въ 60-ти сраженіяхъ, Богъ его миловалъ, но погибъ отъ руки злодѣя Евгенія Оболенскаго».

Видя эту книжку у Евгенія Оболенскаго, я вмѣстѣ съ другими недоумѣвалъ, почему она всегда лежитъ на видномъ мѣстѣ. По этому поводу въ городѣ носилось много слуховъ. Говорили, что держать передъ глазами эту книжку князю предписано правительствомъ въ наказаніе за убійство Милорадовича — чтобъ терзался совѣстью.

Другіе говорили, что самъ Оболенскій наложилъ на себя это наказаніе.

Благодаря, вѣроятно, этой книжкѣ, въ Ялуторовскѣ все были увѣрены, что Милорадовича убилъ Оболенскій и лишь опослѣдствіи я узналъ, что генераль палъ отъ руки Каховскаго.

Въ Ялуторовскѣ князь Оболенскій женился.

Женился онъ на своей горничной, неособенно красивой, не интеллигентной и неграмотной дѣвушкѣ, происходящей изъ бѣдной семьи мѣщанъ Ялуторовска. Женитьба эта надѣлала много шума и даже почти все остальные декабристы отвернулись отъ князя за этотъ mesallians.

Но князь не смутился общимъ негодованіемъ. Онъ дѣятельно занялся общимъ развитіемъ своей жены и черезъ годъ она была хорошо грамотна, развилась и стала держаться настолько прилично, что все отвернувшіеся было отъ Оболенскаго декабристы стали принимать ее и вновь бывать у Оболенскаго.

Отъ этого брака у князя родилось три сына. Князь очень любилъ жену и дѣтей и имѣлъ на семью чрезвычайно хо-

рошее вліаніе. По окончаніи срока ссылки, они уѣхали въ Петербургъ, при чемъ подорожная была выдана на «малолѣтнихъ князей Оболенскихъ», такъ какъ самому Евгевію Петровичу и его женѣ княжеское достоинство возвращено не было.

П. И. Пуцинь, когда послѣ женитьбы князь Оболенскій переѣхалъ на другую квартиру, остался на первой и прожилъ въ ней одинокимъ до выѣзда изъ Ялуторовска, не прерывая дружбы съ семьей князя.

Остальные декабристы. Школа.

Замѣнутіе всѣхъ жилъ М. И. Муравьевъ - Апостоль. Его рѣдко можно было видѣть на улицахъ города. Жилъ онъ съ женой въ собственномъ, хорошо обставленномъ домѣ. При домѣ былъ небольшой садикъ, въ которомъ часто Матвѣй Ивановичъ сидѣлъ съ женой и пилъ чай. Не знаю, были ли у нихъ дѣти и гдѣ они жили, съ ними же жила лишь воспитанница-племянница, дѣвушка Созоновичъ.

Изъ всѣхъ декабристовъ М. И. былъ особенно друженъ съ Тизенгаузеномъ, почему и его называли масономъ. Характеръ у М. И. былъ суровый и настойчивый. Про него рассказывали, что, когда при проѣздѣ Наслѣдника, позже ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, черезъ Ялуторовскъ всѣмъ декабристамъ приказано было не выходить изъ квартиръ, М. И. не послушался приказа, пытался выйти и лично увидать Наслѣдника. Только ударъ въ грудь прикладомъ отъ караульнаго солдата заставилъ М. И. покориться силѣ.

Во время проживанія М. И. въ Ялуторовскѣ у него временно жили и нѣкоторое время учились въ ялуторовской школѣ братья Созоновичъ и прѣзжали дѣти умершаго въ Баргузинѣ декабриста Кюхельбекера.

Матвѣй Ивановичъ уѣхалъ изъ Ялуторовска вмѣстѣ съ другими въ 1856 г. Онъ дожилъ до глубокой старости. Въ Москвѣ, когда короновался ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III, 92 лѣтній М. И. Муравьевъ - Апостоль, которому тогда было возвращено дворянство и всѣ знаки отличія, полученные имъ во время войны 1812 г., былъ въ числѣ другихъ почетныхъ гостей.

А. А. Ентальцевъ жилъ также съ женой. Жилъ онъ скромно и незамѣтно. Незадолго до помилованія онъ сошелъ съ ума и умеръ. Жена его еще нѣкоторое время прожила въ Ялуторовскѣ, а потомъ куда то уѣхала.

Такъ же незамѣтно прожилъ свое поселеніе въ Ялуторовскѣ и Н. В. Басаргинъ, женившійся тамъ на купчихѣ, вдовѣ Медвѣдовой.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ жилъ одиноко въ отдельной квартирѣ. Все время поселенія въ Ялуторовскѣ Якушкинъ принималъ самое живое и горячее участіе въ основанной декабристами школѣ. Любитель метеорологій и естественныхъ наукъ, Якушкинъ у себя во дворѣ поставилъ столбъ, на которомъ были устроены солнечные часы, поставленъ барометръ и флюгеръ. Несмотря на то, что Якушкинъ своей школой сдѣлалъ много добра городу и пользовался любовью учениковъ и уваженіемъ болѣе сознательной части горожанъ, темный народъ его не любилъ. Скоро разнесся недобрый слухъ, что Якушкинъ „посредствомъ своего столба съ дьявольскимъ флюгеромъ отводитъ тучи и дѣлаетъ засуху“ — и два раза ночами, къ великой досадѣ Ивана Дмитріевича, этотъ столбъ срубали.

Якушкинъ велъ строгій образъ жизни, занимаясь болѣе науками и чтеніемъ книгъ, и слылъ за чрезвычайно начитаннаго и ученаго человѣка. Но въ обхожденіи Ив. Д. былъ простъ, чрезвычайно любилъ дѣтей, былъ каждому доступенъ. Лѣтомъ его можно было видѣть каждый день на рѣкѣ, гдѣ онъ подолгу купался. Купался онъ почти до заморозковъ, а съ первымъ льдомъ купанье перемѣнялъ на коньки.

Основанная и содержавшаяся на средства декабристовъ школа находилась въ специально для нея выстроенномъ декабристами же, въ соборной оградѣ, зданіи. До открытія этой школы, названной духовной, но впоследствии переименованной въ приходскую, въ Ялуторовскѣ было лишь одно училище — уѣздное. Въ уѣздное училище принимались исключительно дѣти чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, дѣти же крестьянъ, поселенцевъ и солдатъ не принимались. Вслѣдствіе этого открытіе духовной школы было сущимъ благодѣяніемъ для низшихъ сословій и въ школу охотно шли учиться дѣти всехъ возрастовъ и сословій. Пріемъ въ школу не былъ ограниченъ возрастомъ и верѣдко можно было видѣть ученикомъ школы, особенно послѣднихъ ея отдѣленій, юношу лѣтъ 20.

Официальными преподавателями школы считались двое неокончившихъ курсъ семинаристовъ, а именно — соборный дьячекъ, Евгений Флегонтовичъ Сѣдачевъ и пономарь Христофоръ Федоровичъ Ивашицкій. Смотрителемъ же неофициально былъ И. Д. Якушкинъ, который часто посѣщалъ

школу и наблюдалъ за общимъ ходомъ ученья. Оба учителя получали указанія главнымъ образомъ отъ Ивана Димитривича.

Такъ какъ за школою былъ учрежденъ строгій надзоръ полиціи, то декабристы, за исключеніемъ Якушкина, бывали въ ней чрезвычайно рѣдко. Вообще открытіе школы, хотя неофициальное завѣдываніе ею Якушкинымъ, общее вліяніе на нее другихъ декабристовъ и т. п.—все это было обязано соборному протоіерею, отцу Стефану Знаменскому, человѣку уважаемому, умному и по тогдашнему хорошо образованному.

Въ школѣ преподавалась азбука по самому послѣднему методу, введенному Якушкинымъ, чтеніе, письмо, правописаніе (грамматика), псалтырь, часовникъ, законъ Божій, а съ 5-го отдѣленія— латинскій и греческій языки, причемъ даже преподавалась грамматика этихъ языковъ.

Всего отдѣленій было 9, но изъ отдѣленія въ болѣе старшее отдѣленіе переводили по способностямъ, такъ что въ некоторые кончали школу въ 3—4 года. Въ младшихъ классахъ преподавали ученики старшихъ отдѣленій, т. е. въ школѣ учениковъ было до 100 человѣкъ, а учителей лишь 2 на всѣхъ.

Способъ преподаванія былъ главнымъ образомъ наглядный, по таблицамъ, книгъ же не было, за исключеніемъ псалтыря и часослова.

Сергій Семеновъ.

О частушках Енисейской губерніи*)

Мм. Гл.

Настоящимъ докладомъ мнѣ хотѣлось бы познакомить уважаемое общество съ тѣми частушками, которыя поются въ Енисейской губерніи, гдѣ онѣ, какъ и вообще въ Сибири, болѣе всего сохранили народный характеръ, являясь, какъ и всякая народная пѣснь, отраженіемъ извѣстнаго періода народной жизни, народнаго возрѣнія на тотъ или иной народный обычай, а иногда являясь лишь продуктомъ личныхъ переживаній. Между тѣмъ, какъ частушки, поющіяся въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи, напримѣръ, въ Кіевѣ, Харьковѣ, главнымъ же образомъ въ приволжскихъ торговыхъ центрахъ, каковыми являются Н.-Новгородъ, Самара и др. (исключая деревень), носятъ уже личный индивидуальный характеръ. Здѣсь онѣ поются въ ресторанахъ шантанвыми пѣвцами, которые и являются, такъ сказать, создателями этихъ популярныхъ въ народѣ четырехстопныхъ, представляющихъ часто изъ себя не что иное, какъ извѣстную комбинацію оканчивающихся въ рному словъ, иногда совершенно непонятныхъ, иногда блестящихъ неостроумнымъ юморомъ.

Приведенныя въ рефератѣ частушки записаны мной въ разныхъ мѣстахъ нашей обширнѣйшей Енисейской губерніи. Запись производилась какъ со словъ отдельныхъ лицъ (напримѣръ, въ Ачинскомъ уѣздѣ; въ селѣ Медвѣдскомъ, той же волости и въ селѣ Ильинскомъ (Пеньки), Назаровской волости), со словъ поющей компаніи, такъ равно записаны и тѣ частушки, которыя приходилось слушать въ разныхъ мѣстахъ въ юношескіе годы автору реферата, участнику подобныхъ компаній.

На мой вопросъ: нѣтъ ли среди крестьянъ сочинителей частушекъ? — мнѣ всегда отвѣчали отрицательно, а когда я задалъ аналогичный вопросъ крестьянину — лодочнику, везшему меня на паузкѣ по Ангарѣ, онъ отвѣтилъ: „Отъ бездѣлья што-ли сочинять-ту ихъ? Кабы бездѣлье было, сидѣлъ бы и сочинялъ, а то, вишь, некогда. Такъ вотъ и поемъ,

*) Читано 8 февраля т. г. въ Москвѣ въ Комиссіи по Народной словесности при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э.

што поеца“. Подобные стѣхы приходилось слушать и отъ другихъ крестьянъ.

Почти съ увѣренностью можно предположить, что частушки, поющіяся въ Енисейской губерніи, не мѣстнаго происхожденія—онѣ занесены къ намъ изъ Европейской Россіи гдѣ частушки появились гораздо раньше. Это видно изъ разсказовъ мѣстныхъ старожиловъ, увѣряющихъ, что всего какихъ-нибудь 20—25 лѣтъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ въ Енисейской губерніи, они не слышали подобныхъ пѣсней, въ настоящее же время нѣтъ той деревни, нѣтъ того населеннаго уголка, гдѣ бы не пѣлись частушки, развѣ исключеніе составлять только улусы минусинскихъ инородцевъ, бочующихъ на сѣверѣ губерніи, гдѣ поэзія носитъ совершенно иной характеръ. Само названіе въ нашей мѣстности частушекъ „саратовъ“, „саратовская“, склоняетъ къ высказанному предположенію. Лишь за последнее время онѣ извѣстны у насъ подъ названіемъ „качинской“, но это названіе встрѣчается исключительно въ Красноярскѣ, да и то лишь на Качѣ.

Получивъ свое начало въ Россіи, частушки и къ намъ перешли съ російскимъ варіантомъ, затѣмъ російскій варіантъ постепенно замѣнился мѣстнымъ, сибирскимъ, или утратилъ свое первоначальное значеніе и, наконецъ, за послѣднія 5—6 лѣтъ, подъ вліяніемъ нахлынувшей въ Сибирь переселенческой волны, варіанты російскихъ и сибирскихъ частушекъ смѣшались и теперь весьма трудно опредѣлить мѣсто сложенія частушекъ, поющихя у насъ.

Рѣка Волга, обычно фигурирующая въ частушкахъ, замѣнилась Качей:

„Милый мой по Качѣ плаваль,
Утонувъ, паршивый дьяволъ“.

Или первоначальный варіантъ:

„Ты, извозчикъ, — возки долги —
Довези меня до Волги“.

замѣнился слѣдующимъ:

„Ты, извозчикъ, подай клячу,
Увези меня на Качу“.

Что прежде приписывалось Саратову, теперь приписывается и Красноярску:

„Красноярска — городъ славный —
На рѣкѣ стоитъ большой,
Въ немъ живетъ народъ богатый —
Настолщій продубной“.

Рѣки Волга и Дунай, городъ Одесса и др. по настоящее время держатся въ мѣстныхъ вариантахъ:

„Какъ по Волгѣ, по Дунаю
Мы доплыли до Китаю“

Или:

„Плыль по рѣчкѣ по Дунаю,
Свою милку я не знаю“.

„Въ городѣ Одестѣ
Гостиница „Китай“;

Приходить забастовщикъ—

„Полбутылки дай“.

А вотъ и частушка, принесенная къ намъ съ юга Россіи, поется въ Красноярскѣ:

„Милый мой, пойдемъ со мной:

На горѣ свѣтае,

По задворкамъ обойдемъ,

Никто не видае“.

Варианты многихъ частушекъ взяты просто изъ извѣстныхъ народныхъ пѣсень. Напримѣръ, въ Енисейскѣ поются слѣдующія частушки, взятыя изъ прискательскихъ пѣсень, записанныхъ моимъ товарищемъ со словъ присковыхъ рабочихъ „Сѣверной тайги“:

„Таратайка на смазѣ,

По оси она въ грязѣ“;

„Мы по собственной охотѣ

Были въ каторжной работѣ—

Въ сѣверной тайгѣ“.

Частушка, поющаяся въ Красноярскѣ, взята тоже изъ распространенной народной пѣсни:

„Мы сидѣли съ Ванькой въ полѣ,

Вили нитки на клубокъ,

Не стерѣло сердце боль—

Я открылась въ тотъ денекъ“.

О какомъ либо подраздѣленіи частушекъ на игорныя, плясовыя и т. п. говорить не приходится, если онѣ и существуютъ, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Только однажды, именно въ 1903 году, въ дер. Юрты, на вечеркѣ, мнѣ удалось слышать частушку плясового характера. Пляска сопровождалась пѣніемъ:

„Полька, полька и кадсель,

За волосы и за дверь“.

Что касается внѣшней стороны частушекъ, то онѣ состоятъ изъ двухстишіей:

„Что ты, мила—твоя воля—
Тебѣ радость, а мнѣ горе“ (Красноярскъ).

Чаще всего изъ четырехстишіей:

„Сорву бѣтку винограду,
Брошу милому въ ограду;
Когда вѣточка завянетъ,
Тогда милъ меня спомянетъ“ (с. Ильинское)

Рѣже изъ шестиштишіей:

„Дѣвки въ лодочкахъ катались,
По залодочкамъ вода,
Бѣлы платки замочили—
Перевозчикамъ бѣда:
Перевозчикъ молодой,
Сушить платки надъ водой“ (с. Ильинск ое).

Совсѣмъ рѣдко—изъ восьмиштишіей:

„Рыбочка на вилочкѣ,
Миленокъ на заимочкѣ,
Миленокъ на заимочкѣ,
Шьетъ милой ботиночки.
Ботинки на подклеечкѣ,
Несетъ своей злодѣечкѣ.
Ботиночки шевровыя
Съ шнурочками шелковыми“ (Енисейскъ).

Часто въ этихъ народныхъ произведеніяхъ не выдерживается рима. Какъ на примѣръ, можно указать на два послѣднихъ стиха слѣдующей частушки:

„Милая фартовая,
Юбочка бордовая;
Отчего бардовая—
Она въ меня влюбленная“ (д. Базанха).

Иногда, рифма и совсѣмъ отсутствуетъ*):

„Доктора у насъ хороши—
Сразу правятъ на тотъ свѣтъ“;
„Въ Красноярскомъ тучи ходятъ,
Въ Енисейскомъ громъ гремитъ“ (Красноярскъ).

1) Правда, такое явленіе мы наблюдаемъ почти исключительно на частушкахъ изъ двухстишіей, тогда какъ въ остальныхъ случаяхъ рифма сохраняется.

Во многих частушках повторяется второй стихъ:

„Милый мой, такой баской,
Изъ деревни изъ Гарской.
Изъ деревни изъ Гарской
Истомилъ меня тоской“ (Енисейскъ).
„Я пойду на огородъ,
Изъ села народъ идетъ,
Изъ села народъ идетъ,
Мой миленокъ напередъ“ (д. Малѣева на Чуиѣ).

Мелодія частушекъ ни вездѣ одинакова: на югѣ губерніи она проста и тягуча, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ частушка поется ускореннымъ темпомъ и болѣе мелодична. То же самое можно сказать и о пригъвахъ, повторяющихся два раза послѣ пѣнія каждаго двухстишія. Болѣе пріятный для слуха пригъвъ на Ангарѣ и Чуиѣ:

Ой! тай, тай, тай: та, та, та, та,
Та, та, та, та, та, та, та, та“.

Въ д. Поймѣ на р. Оиѣ:

„Ты чернява, ты чернява
Чернабровая моя“.

Въ Енисейскѣ пригъваютъ:

Хой-ляй, цип-ляй,
Съла да поѣхала“.

Въ Красноярскѣ:

„Сербиль, сербиль, сербиль, сербиль,
Сербиль, дергаль, драль“;
„Архиць, Архиць, толкай, толкай,
Давай опеть толкай“.

Въ дер. Юрты:

„Терябила, дергала,
Царапала, рвала“.

Въ Ангарскомъ краѣ частушки поются болѣе двушками, въ городахъ парнями и въ остальныхъ мѣстахъ губерніи — тѣми и другими.

Въ праздники или будни, въ свободное отъ работъ время, подвыпившіе парни собираются группами въ нѣсколько человекъ, среди нихъ гармонистъ.

Идя по улицамъ города, гармонистъ играетъ „саратова“, а парни поютъ частушки, послѣ каждой пригъвая:

„Ты гарги ходи гарги ко мнѣ гарги по чагорги,
Ты гарги люби гарги меня гарги по елагорги“,
сопровождая подобный пригъвъ дикимъ гиканіемъ и свистомъ.

Такъ какъ главный предметъ, сопровождающій пѣніе частушекъ, „гармонь“, то существуетъ много вариантовъ, посвященныхъ ей; она сравнивается даже съ хлѣбомъ и называется „гармошкой матушкой“, или „тальяночкой“:

„Ты гармошка—матушка,
Лучше хлѣба батюшки“.

„Ни проѣхать, ни пройти—

Бугорочки, ямочки;

Не проходитъ милый мой

Мимо безъ тальяночки“.

„Шель я верхомъ, шель горой,

Несъ тальянку подъ полою.

Спотыкнулся въ ямочку,

Изломалъ тальяночку“.

Последнее обстоятельство заботитъ гармониста и онъ любовно обращается къ ней:

„Что, гармошка, не играешь,

Развѣ стону въ тебѣ нѣтъ?“

Въ городскихъ частушкахъ мы чаще всего видимъ отраженіе молодецкой удали.

Въ Красноярскѣ дѣтъ пять-шесть тому назадъ молодежь сильно увлекалась такъ называемыми „войнишками“. Участвующіе въ нихъ раздѣлялись на нѣсколько, враждующихъ между собой, лагерей, причемъ большую роль въ раздѣленіи играло мѣстожителство: живущіе за рѣкой Качей, назывались „заканчинцами“, на Мало-Качинской улицѣ— „малокачинцами“, на Больше-Качинской— „большекачинцами“, а эти всѣ три группы, въ свою очередь, объединялись въ общую группу „каченцевъ“ или просто „качи“, названной такъ по протекающей въ этой части города р. Качѣ. Затѣмъ, жительствующіе въ Кузнечныхъ рядахъ (въ настоящее время Ново-Кузнечная улица) назывались „кузнечниками“, въ Теребиловѣ— „теребилашниками“, а въ Николаевкѣ (предмѣстьѣ города, гдѣ живетъ исключительно желѣзнодорожный рабочій людъ)— „желѣзнодорожниками“, или „николаевцами“. Подобное дѣленіе сохранилось до сихъ поръ.

Для „войнишки“ выбиралось опредѣленное мѣсто: весной и лѣтомъ у часовенки на Афонтовой горѣ, осенью и зимой р. Кача. Конечно, главную роль здѣсь играли не времена года, а полиція и казаки, которые если угоняли „войнишку“ съ Качи, она появлялась на горѣ, и— обратно. За горой было то преимущество, что здѣсь было открытое и сво-

бодное от жилищъ мѣсто со множествомъ камней — „оружія“ для воюющихъ сторонъ. Если бой былъ особенно ожесточенъ, „войнишка“ верѣдко переносилась на ближайшія улицы города. Любители сильныхъ ощущений вооружались подзорными трубками, биноклями и восхищались непобѣдимостью той или другой стороны, а между тѣмъ, каждая изъ „войнишекъ“ приносила много раненыхъ, иногда и убитыхъ. Еще не такъ давно, кажется, въ началѣ 1912 года „войнишка“ вновь вскинула между „качинцами“ и „николаевцами“, въ результатъ трое убитыхъ и нѣсколько человекъ раненыхъ.

Каждая изъ армій предводительствовалась отличающимися своимъ звѣрствомъ и отчаянностью парнями, изъ которыхъ извѣстностью пользовались: голворѣзъ Абашкинъ — впоследствии приговоренный военнымъ судомъ къ разстрѣлу за какія то „дѣянія“ во время военной службы, затѣмъ нѣмой, зарѣзанный однимъ изъ своихъ товарищей, и Шохинъ, бывший въ періодъ политическихъ волненій сыщикомъ, а затѣмъ сосланный на каторжныя работы. Естественно, что подобныя лица не могли скоро исчезнуть изъ памяти красноярцевъ, и въ одной изъ частушекъ поется:

„Какъ Абашкинъ на Большой*) —
Такъ ребята все́ домой,
А Нѣмой появится —
Ребятамъ не поглотится,
Езливъ Шохинъ къ намъ придетъ —
У насъ война палатъ пойдетъ“

а въ другой восхваляется удалъ**) „качинцевъ“, какъ болѣе храбрыхъ, отличающихся своимъ хулиганствомъ:

„Наши качивеки ребята
Однимъ словомъ молодцы:
Стекла бьютъ, ворота мажутъ
И кузнечнымъ не уважутъ“.

Не смущаютъ „качинцевъ“ и частые ихъ аресты при полицейскихъ частяхъ:

„Сколь мы пили и гуляли —
Во вторую часть попали.
Во второй части привольно:
Хлѣба сущаго довольно“.

*) Главная улица въ Красноярскѣ.

**) Такое явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ городахъ губерніи, напримѣръ, въ г. Енисейскѣ воспѣвается удалъ „паракосскихъ“:

Кромѣ того, „качинцы“ въ своихъ частушкахъ восхваляютъ качинскихъ дѣвицъ:

„Какъ на Качѣ грязь и тина—

Тамъ дѣвченки, какъ картина,

„Уходите, шарлатаны,

Параходки идутъ пьяны“.

Какъ на Качѣ грязь и кочки—

Тамъ дѣвченки, какъ цвѣточки“.

И, наоборотъ, ушпаютъ дѣвицъ Кузнечной улицы:

„На кузнечной фонари --

Тамъ дѣвченки звонари“.

„Теребилашники“ же поютъ:

„Теребилашный кварталъ—

Чѣмъ онъ разукрашень.

Пеньями, кореньями,

Дѣвченками твореньями“.

Не ускользнули отъ частушекъ и дома терпимости, вытянувшіеся длинной вереницей по Садовой улицѣ:

„На Садовой заведень—

Въ нихъ дѣвченки объядень“.

„Вьются голуби надъ рѣчкой,

А ребята на Большой,

Плачетъ матушка надъ дочкой,

Что гуляеъ на Садовой“.

„По Садовой фонари,

Выбигы окошки,

Сидятъ дѣвки на диванѣ,

Курятъ папироски“.

Масса поется частушекъ юмористическаго содержанія:

„Пароходъ баржу везетъ—

Баржа сѣмячки грызетъ“.

„Стою, плачу у телѣги—

Слезы льются колесомъ“.

„Что ты, милка—перемилка,

Тебѣ гробъ, а мнѣ могилка,

На могилкѣ здѣлу выходи,

Не могу безъ милки дышать“.

„Что ты, мила, приуныла—

Не слышать твоихъ рѣчей,

Развѣ брюхо заболѣло—

Не купить ли калачей“.

„Сидит милый на заборѣ,
Съ меланхолей во взорѣ,
И не долго думала, —
Подошла и плюнула“.

Тамъ, гдѣ частушки поются парнями и дѣвцами, а это можно наблюдать лишь въ деревняхъ — тамъ и варианты частушекъ далеко разнообразѣе.

Обычно вечеромъ, а въ воскресные и праздничные дни и днемъ, послѣ обѣдни, парни во главѣ съ гармонистомъ идутъ по деревнѣ съ пѣніемъ частушекъ, припѣвая:

„Терябила, дерьгала,
Деребала, карябала“;

также сопровождая припѣвъ гарканіемъ и свистомъ. Причемъ каждый парень старается выказать себя передъ дѣвушками, что выражается развалистой походкой; или же парень старается показать, что онъ пьянъ, другими словами, какъ говорятъ, парень „ломается“. Такія „ломоты“ дѣвушкамъ нравятся. Сами дѣвушки поютъ частушки, или сидя на скамьяхъ у воротъ, иногда просто на бревнахъ, или же проходя по деревнѣ, держа другъ друга за талию. Каждая изъ нихъ также старается понравиться парнямъ, кокетничаетъ и также „ломается“.

Въ деревенскихъ частушкахъ отразились самыя разнообразныя явленія крестьянской жизни.

Часто можно наблюдать, что жители (особенно молодежь) двухъ сосѣднихъ деревень, селеній, или одного селенія, раздѣленного рѣкой на двѣ части, находятся во враждебномъ отношеніи. Ихъ отношенія проявляются и въ частушкахъ. Такъ, парни с. Свищево поютъ про дѣвицъ сосѣдняго села Маганскаго и дер. Юрты:

„Какъ малански дѣвки модны —
По три дня сидятъ голодны,
Золотыя кольца носятъ,
Подъ обошкомъ хлѣба просятъ,
А во Юртахъ по моднѣ,
По ведѣли голодны“.

Въ селѣ Кежемскомъ на р. Ангарѣ дѣвицы „кежемской“ стороны поютъ про своихъ подругъ „зарѣшной“ стороны:

„Какъ зарѣшны дѣвки дуры —
Понашили юбки буры,
Понашили юбки буры,
За политикой*) подуми“.

*) На Ангару въ дни реакціи было выслано много политическихъ ссыльныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже отбыли свое наказаніе, но многіе еще остались коротать свой вѣкъ въ ссылкѣ.

Между переселенцами изъ Россіи и сторожилами—сибиряками часто происходят неурядицы изъ за земель пли лѣсовъ. Россійскіе называютъ сибиряковъ „чалдонами“, а эти обзываютъ переселенцевъ „лапатогами“.

Дѣвушки—переселенки Канскаго уѣзда поютъ:

„Не ходила, не пойду
Въ лѣсъ я за грибами,
Напугалъ меня чалдонъ
Синими штанами“.

Сторожилы поютъ тамъ же:

„Какъ въ Четверть окна биты,
Лапатоны вшивы—бриты“.

Но бываетъ, что дѣвушки относятся съ проницей къ парнямъ своего села. Дѣвицы с. Вознесенскаго (Батой) воспеваютъ своихъ парней:

„Какъ батойскіе ребята
Однимъ словомъ молодцы:
Ногой тоннуть, брюки лопнуть,
Всѣ заплаты отлетать“.

Бываетъ и такъ, что дѣвушкамъ надоѣдаютъ свои парни и онѣ называютъ ихъ „чалдонами“, „чаквасами“*). Въ дер. Бугачевой дѣвушки поютъ:

„Золото мое колечко
Хуже оловяннаго,
Надоѣли намъ чалдоны
Хуже окаяннаго“.

Въ с. Кежемскомъ:

„Уходите чиквасъ—
Къ намъ идутъ артисты,
Къ намъ идутъ оцетъ артисты—
Двое гармонисты“.

Въ деревняхъ Красноярскаго уѣзда:

„Не хочу я первачу,
Хочу второго сорта;
И чалдона не люблю
Посылаю къ черту“.

Нѣкоторыя дѣвушки недолюбливаютъ писарей своего села за ихъ навязчивость:

„Охъ, охъ, не дай Богъ,
Съ писарями знаться:
Они съ черными усами
Лѣзутъ цѣловаться“,—поютъ въ с. Кежемскомъ.

*) Слово аналогичное по значенію со словомъ «чалдонъ»; такъ называются чалдоны на Ангартѣ.

Во многих частушках высказывается любовное отноше-
ніе парня къ дѣвцѣ или дѣвцы къ парню:

„Милый мой, а я твоя,
Окинь полой, озябла я,
Окинь правую полой—
Куда пойдешь в я съ тобой“;—поютъ на Ангарѣ.
„Милый мой, а я твоя,
Куда хочешь дѣнь меня,
«Хоть на быструю рѣку —
Не хочу жить на вѣку», —поютъ на р. Чунѣ.

Въ другомъ вариантѣ милый называется «земчугомъ доро-
гимъ»:

«Сеня, Сеня, Сеня мой,
Сеня земчугъ дорогой.
За рѣкой воркуй воркуеть
Сеня лавочкой торгуеть», —поютъ въ дер. Малѣевой.

Дѣвушка восторгается голосомъ своего возлюбленного,
другая любить милого за «веселую рѣчь»:

«У моего у милого
Подъ ярмошку волоса,
Запоеть онъ пѣсню важиу —
Веѣ покроеть голоса», —поетъ въ д. Бугачевой.
«Сшила блузку въ крыльцахъ узку,
Съ якорями на плечахъ,
Я люблю сваво милого,
Что веселый на рѣчахъ». (Тамъ же.)

Парень также любитъ свою милую, онъ «лелѣть ее :

«Милка спать, а я лелѣю,
Разбудить ее не смѣю» (Д. Дрокина.)

Онъ сравниваетъ ее съ «полуночной звѣздой», иногда и
на вечеркѣ не желаетъ присутствовать безъ милой:

«Сколько звѣздочекъ на небѣ —
Полуночной звѣзды нѣтъ,
Сколько дѣвокъ на вечеркѣ,
А моей милашки нѣтъ», —поютъ въ д. Базаихѣ.
«Нѣту елочки кудрявой,
Нѣтъ березки листовой,
Нѣту милой на вечеркѣ —
Соберусь, иду домой». (Тамъ же.)

Онъ всю ночь думаетъ о своей «кралечкѣ крестовой», защищая свою милую, хотя ему грозитъ явная опасность:

«Ой ты, милочка моя,
Кралечка крестовая, —
О тебѣ всю ночь продумалъ я,
О тебѣ толковая», — поютъ въ с. Медвѣдскомъ.
«Я за милку грудью стану —

Всѣхъ порѣжу, въ тюрьму сяду», — поютъ въ д. Базаихѣ.

Часто дѣвушка разочаровывается въ своемъ возлюбленномъ:

«Синя моря во туманѣ
Чайка вьется надъ водой;
По глазамъ миленка вижу,
Что смѣется надо мной», — поютъ въ д. Юрты.

Она отказываетъ ему въ сватаніи:

«Пойте дѣвочки припѣвочки,
А я сбѣгаю домой,
Обѣщался милый сватать —
Откажи, родитель мой». (На Ангарѣ.)

Но парень увѣщаетъ свою милую не беспокоиться за его любовь къ ней, онъ называетъ ее любовно «харахорочкой»:

«Харахорочка моя,
Ты не харахорься,
Я люблю тебя чичась,
Ты не безпокойся». (Въ с. Вознесенскомъ.)

А иногда и самъ ревнуетъ:

«Что это за рѣченька —
Голуби купаются,
Что это за дѣвочка —
Всѣ въ нее влюбляются.
Голубей я подстрѣлю,
Чтобы не купались,
А милашку утоплю,
Чтобы не влюблялися». (Въ д. Базаихѣ.)

Измена возлюбленнаго для дѣвушки равносильна петлѣ:

«Цыпа по воду поѣхаль,
Цыпа за уголь задѣль,
На другой милый женился —
На меня петлю надѣль». (Въ д. Поймѣ.)

Брошенная своимъ возлюбленнымъ, дѣвушка спрашиваетъ его:

«Миленькій, побойся Бога,
Не брось дѣвушку меня,
Я молоденька дѣвченка
Подъваюсь куда?» (Въ с. Маганское.)

Но парень не умолимъ, онъ отвѣчаетъ:

«Что ты, милка, куралесишь —
Я гоню, а ты все лѣзишь»: (Тамъ же.)

Обиженная, она проситъ своихъ подругъ:

«Вы скажите моему Сашкѣ,
Что постриглась я въ монашки», — поютъ въ д. Бугачевой.

Въ другой частушкѣ парень упрекаетъ свою милую за то, что та спокинула его:

«Ты, крапива, некрасива,
Ты ожалила меня.
Тебѣ милка не спасибо —
Ты спокинула меня». (Тамъ же.)

Далѣе, онъ угрожаетъ дѣвушкѣ за измѣну «вымазать ворота»:

«Ты Анютка — сѣра утка,
Ни летай съ краю на край,
Я тѣ вымажу ворота 1),
Раскатаю весь сарай». (Въ д. Поймѣ.)

Дѣвушка сожалѣетъ о своемъ одиночествѣ, она завидуетъ своимъ подругамъ, у нея нѣтъ, какъ она говоритъ, «пары»:

«Возлѣ садика дорожка —
На ней нѣтука травы,
Не обидно ли, подружки,
Я осталась безъ пары», — поютъ въ д. Бугачевой.
«За рѣкой овинъ горить —
Дымочку не видно,
Парень съ дѣвщей стоитъ —
Сколько мнѣ завидно», — поютъ подъ Енисейскомъ.

1) Этотъ обычай мазать ворота дѣлается относится къ юридическимъ древностямъ, т. е. къ старинному обычному праву, практикуется въ нашихъ деревняхъ и по сію пору. Цѣль мазанія воротъ — обратить вниманіе, что дочь хозяевъ даннаго дома потеряла свое дѣвственностъ, еще не будучи замужемъ; другими словами — опозсрить дочь хозяевъ даннаго дома предъ лицомъ мѣстныхъ обывателей. Ясно, что послѣ этого уваженіе со стороны близкихъ и знакомыхъ теряется и дѣвушка дѣлаетъ службу общимъ посмѣшищемъ.

Въ другомъ вариантѣ парни совѣтуютъ дѣвцамъ не любить Оедьку — горькаго сироту:

«Не садите дѣвки рѣдку —
Рѣдки горьки сѣмена,
Не любите дѣвки Оедьку,
Оедька — горькій сирота». (Въ д. Малѣевой.)

Но дѣвушки отвѣчаютъ имъ:

«Не расти верба на полѣ,
Расти верба на межѣ,
Не люби ты насъ, богатый,
Люби бѣдный по душѣ». (Тамъ же.)

Далѣе, въ частушкахъ мы находимъ указаніе на насильственную женитьбу.

Дѣвушка крайне сожалѣетъ разстаться со своимъ дѣвичьимъ положеніемъ:

«Неужоде это будетъ
Перемѣночка въ году —
Золоты вѣнцы надѣнуть
На головку на мою», — поютъ въ с. Кежемскомъ.

Она сердится на свою мать, называетъ ее «ретивой» за то, что та «рано замужь отдала» ее:

«Моя мамонька ретива,
Въ саду яблочекъ сорвала,
Красоту мою стубила,
Рано замужь отдала». (Тамъ же.)

Дѣвушка, просватанная за стараго человѣка, уговариваетъ его отказаться отъ нея:

«Вапя, Ваня, Ваничка,
Я тебѣ не парочка:
Ты сѣдая борода,
Я дѣвченка молода», — поютъ въ д. Юрты.

Обвѣнчанная съ нелюбимымъ ей человѣкомъ, она «ненавидитъ» его:

«Передъ зерькиломъ стояла —
Сама себя видѣла,
Молодыхъ ребятъ любила,
Мужа ненавидѣла». (Въ д. Малѣевой.)

Не особенно хорошо относятся къ молодцу у свекра и свекрови:

«Свекръ ругаетъ, свекровь гонитъ,
Я разуюсь — не догонять». (Въ д. Дрокиной.)

Мамонька не родная —
Похлебочка холодная;
Еслибъ мать родна была,
Щей горячихъ налила, — поютъ въ д. Юрты.
Еще болѣе незавидна жизнь на «чужой сторонѣ».

«Много ласточекъ летаетъ
Въ поднебесной высотѣ,
Много дѣвушекъ страдаетъ
На чужой на сторонѣ». (Въ д. Бугачевой).
Но и у «своихъ» иногда жизнь дѣвушки бываетъ «плоха»:

«На горѣ стоитъ береза,
Боже мой, какая высь!
Сватай, милый, поскорѣ —
Отъ своихъ худая жизнь». (Тамъ же).
Молодой плачется на свою судьбу:
«Рано, рано, мама, женишь
Возьмешь дуру — куды дѣнешь?
Вы зачѣмъ меня женили —
Мою молодость стубили». — поютъ въ д. Юрты.
«Вы зачѣмъ меня женили —
Тройку коней маяли;
Вы зачѣмъ такую брали,
Чтобы люди хаяли». (Тамъ же).

Въ одномъ вариантѣ парень становится очевидцемъ вѣнчанія своей возлюбленной съ нелюбимымъ человекомъ:

„Мою милую вѣнчали —
Я на павертѣ стоялъ,
Обвѣнчали и умчали —
Я головкой покачалъ». — поютъ въ с. Кежемскомъ.

Но несмотря на это, онъ все же думаетъ выручить свою милую:

«Охо, охо, дѣло плохо —
Милу сбѣнчали,
Я пойду на перебой:
Возьму бутылочку съ собой». (Тамъ же).

Въ другомъ вариантѣ нелюбимая жена называется «холерой»:

«Ты помри, моя холера,
Я тебя похороню,
Крестъ осиновый поставлю 1)
На могилу на твою». — поютъ въ д. Юрты.

1) Крестьяне не любятъ это дерево. По сохранившемуся преданію, на осинѣ повѣсилса Іуда; съ тѣхъ поръ листья осины всегда шелестятъ.

Съ такой же яркостью изображено въ частушках положеніе солдатки. Въ одной изъ частушекъ поется объ отчаяніи:

«Тебя, миленькій, забреютъ,
А я горькая куда?
Въ Ангарѣ продубь большая—
А я голову туда» — поютъ на Ангарѣ.

Въ другой — солдатка называетъ своего мужа-солдата «кровиночкой», а себя «сиротиночкой»:

«Милый мой, пойдемъ домой,
Пойдемъ, моя кровиночка,
Тебя угонять въ Портъ-Артуръ —
Останусь сиротиночка», — поютъ въ Кежемскомъ. 1)

Начинаются проводы, гулянка:

«Милъ послѣдній день гуляеть
На лошаdkѣ вороной.
Увезуть его въ солдаты
На машинѣ паровой». (Въ д. Дрокиной.)
Тарахорочку куплю 2),
Робить не заставлю,
Во солдатушки иду
Дома не оставлю». (Тамъ же.)
«На горѣ то пашню пашутъ,
Подъ горой платочкомъ машутъ,
Дѣвки пѣсенки поютъ,
Меня въ солдаты отдають». (Въ д. Бугачевой.)

Но вотъ «отстугали воротички, отбрыкало кольцо» и солдатка начинаетъ высказывать свое сомнѣніе о возвращеніи мужа домой:

«Неужоле ты сповянешь
На горѣ, зеленый садъ?
Неужоле не вернется
Мой миленокъ изъ солдатъ? — поютъ подъ Енисей-
скомъ.

1) Въ Кежемской волости Енисейской губерніи, и въ сосѣдней Караганской, Иркутской губерніи, крестьяне не отбываютъ воинской повинности, поэтому можно думать, что указанный вариантъ заимствованъ тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчается повсемѣстно въ Сибири, въ особенности въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ. Между прочимъ, одинъ крестьянинъ-старикъ изъ деревни Ковы на мой вопросъ, почему крестьяне Кежемской волости не отбываютъ воинской повинности, рассказалъ слѣдующее. — Былъ это у насъ есильный старичекъ Фома Ивановичъ, умѣлъ писать ногамъ и рукамъ. Разъ пришелъ къ намъ на деревню и говорить: «Ходите, ребята, я васъ избавлю отъ некручины?»

Мы говоримъ, что ежели есть на то твоя милость, Фома Ивановичъ избавь. Взявъ это онъ перо и гумату да ногой и написалъ самому во-сугарю письмо. Съ тѣхъ поръ насъ и избавили отъ некручины. Славный былъ старичокъ и во всѣ любила и уважали.

2) Частушка съ намекомъ на куплю невесты.

Она тяготеет своимъ положеніемъ:

«Сколь я не работала,
Сколь я не старалася,
Всѣ труды мои пропали,
Я одна осталася». (Въ д. Малѣевой.)

Но проходить время, она уже начинаетъ свыкаться со своимъ положеніемъ:

«Неужоле снѣгъ не стаеть,
Съ горъ не скатится вода,
Слава Богу, привыкаю
Жить безъ милаго дружка», — поютъ въ дер. Юртил.
«Не отъ солнца снѣжки тають,
«Отъ зеленого лужка,
Слава Богу, привыкаю
Жить безъ милаго дружка». (Въ д. Базанхѣ.)

Другое дѣло:

«Изъ солдатиковъ вернулся
Мужинечекъ дорогой:
Погляжу на тебя, радость,
Поцѣлуй меня, милой», — поютъ тамъ же.

Въ очень большомъ количествѣ частушекъ отразился пошлый взглядъ на дѣвицу, на женщину, вообще на человѣка, какъ на какое то животное. Въ д. Малѣевой поютъ:

«Надо рѣчку завалить,
Чтобы не было волю,
Надо дѣвокъ задавить,
Чтобы не было бѣды».

Я привелъ бы массу частушекъ, характеризующихъ именно этотъ взглядъ, но порнографическій элементъ, все болѣе и болѣе забирающійся въ нашу народную пѣсню, все болѣе и болѣе заражающій ее необузданнымъ цинизмомъ, не позволяетъ мнѣ сдѣлать этого. Остается только пожелать успѣха въ борьбѣ съ этимъ печальнымъ явленіемъ, съ этой язвой народной.

Интересно, что частушки порнографическаго содержанія поются не только парнями, но и дѣвушками, какъ это слышала мой товарищъ въ д. Малѣевой на р. Чувѣ, а я лично наблюдалъ въ с. Кежемскомъ на р. Ангарѣ.

У насъ въ Россіи, въ этнографической литературѣ частушкамъ удѣлена самая малая доля къ этому виду на-

родной пѣсни относятся какъ-то скептически, а между тѣмъ, выяснить генезисъ частушки, прослѣдить ея постепенное развитие, распространение, записать варианты, припѣвы и мотивы было бы очень и очень интересно. Это — неотложная задача этнографа!

Ив. Чеканинскій.

г. Красноярскъ 8 января 1913 года.

Какъ они открыли школу.

(Разсказъ съ натуры изъ жизни сибирскаго духовенства).

Полевы. На небѣ ни облачка. Воздухъ неподвиженъ. Тишь такая, что даже старая осина, растущая на самомъ краю обрывистаго берега рѣки, не шелохнетъ ни однимъ листикомъ. Жара стоитъ страшная. Солнце какъ бы остановилось надъ маленькимъ въ двадцать плохонькихъ домовъ съ убогою, нагнувшеюся отъ старости лѣтъ, церковью селомъ Мухипымъ, заброшеннымъ на сто верстъ отъ тракта въ самую глубь тайги. Дорога сюда возможна только зимою съ половины ноября и то по рѣкѣ. Все, живущее въ деревнѣ, невольно чувствуетъ приближеніе грозы, которая здѣсь сопровождается страшными таежными ураганами, вырывающими съ корнемъ вѣковыя деревья. Лишь только никогда неунывающіе комары беззаботно поютъ свою пѣсню, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе окружающей ихъ природы, да могучая сибирская рѣка спокойно катитъ свои воды туда, гдѣ вѣчный ледъ и холодъ: ей все равно: «реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ, гремитъ-ли громъ на небѣ голубомъ».

На террасѣ небольшого ветхаго домика, у стола съ кипящимъ самоваромъ сидятъ среднихъ лѣтъ мужчина, средняго роста съ солиднымъ брюшкомъ, окладистой русой бородою и такого-же цвѣта длинными волнистыми волосами, полнымъ простоватымъ лицомъ и ничею невыражающими сѣрыми глазами—отецъ Иванъ Долматинскій и его жена Анна Игнатьевна—дебелая деревенская попадья, высокаго роста, съ красивымъ и умнымъ лицомъ и хитрыми карими, пронизывающими насквозь глазами, какъ-бы хотящими заглянуть въ самую душу собесѣдника. Такіе глаза-необходимая принадлежность слѣдователей и околоточныхъ надзирателей, старающихся видѣть больше, чѣмъ они могутъ.

— Ты, мать, затворила-бы все отверетія, какія есть въ домѣ, а то налетитъ буря и опять непредвидѣнный расходъ на вставку стеколъ и починку рамъ — сказала о. Иванъ, наливая стаканъ чаю.

— Подумаешь, какой умникъ нашелся! Безъ него не знаютъ,— отвѣтила сердито попадья.

— Ну, не сердись. Умникъ, не умникъ, а голову имѣю, да еще и съ мозгами.

— Да, вѣдь и у теленка есть голова и тоже съ мозгами.

— Завела теперь машинну, пожалуй, до вечера не остано-вишь. Удивляюсь, какъ это тебѣ самой не надобѣсть ворчать цѣлые дни. Помнишь, кажется Достоевскій сказалъ: меньше говори, а больше смѣкай.

— Твой Достоевскій все смѣкаль, а померь чуть не съ голоду и съ нами, пожалуй, то же будетъ.

— Ну, я, слава Богу, сытъ пока и думаю, что съ голоду помирать не придется; положимъ, хотя приходъ у насъ и бѣдный, но сытъ все-таки буду.

— И къ чему только васъ въ семинаріи учать? Всѣ вы какіе-то медвѣди, думающіе только о томъ, чтобы сытымъ быть, а тамъ хоть трава не расти; мнѣ кажется, поверни свое теченіе рѣка не на сѣверъ, а на югъ—тебѣ и горя мало.

— Что жъ, на югъ такъ на югъ, я отъ этого ничего не потеряю.

— Я знаю, что тебѣ все равно да и не одному тебѣ, а всѣмъ вамъ, деревенскимъ просвѣтителямъ.

— Ну, мать, ты кажется въ ересь вѣхала.

— Какъ въ ересь?

— Да такъ. Что всѣхъ на одинъ аршинъ мѣряешь.

— Потому что всѣ вы изъ одной фабрики вышли и изъ одинаковаго матеріала.

— Какъ-же это изъ фабрики,—обидѣлся о. Иванъ,—мы вѣдь не товаръ, а люди. И что это за фабрика и что за матеріаль?

— Людми вы были только въ дѣтствѣ, а потомъ фабрика въ видѣ бурсы и семинаріи обработала васъ по своему вкусу и шаблону, а матеріаль, находящійся въ васъ,—это эгоизмъ.

— Теперь ужъ окончательно не понимаю твоей филосо-фii.

— А это должно быть потому, что у тебя есть голова, да еще и съ мозгами.

— Тебя и съ двумя головами не поймешь. Затвердила, какъ попугай: медвѣдь, эгоистъ и больше знать ничего не хочетъ....

— Въ такой глуши озвѣрѣть можно, а не то что опопугайтятся, а кто виновать?

— Ужъ не я-ли?

— А то кто-же, конечно—ты.

— Да приче́мъ-же я-то тутъ, вѣдь я не училъ тебя по-пугайничать!

— Не училъ! Да жизнь сама учить.

— Такъ ты на жизнь и пеняй, а не на меня.

— А кто виноватъ въ томъ, что ваша жизнь такъ сложилась?

— Опять, навѣрно, я?

— Да, ты, и одинъ ты!

— Чемъ же это позволите васъ спросить?

— А тѣмъ, что, когда ты сватался ко мнѣ по окончаніи курса, ты завѣрялъ, что мы на этомъ мѣстѣ проживемъ годъ или два, а потомъ переведемся или въ городъ или въ такое подгородное село, гдѣ и людей больше и къ городу ближе. Но вотъ уже десять лѣтъ прошло со дня нашей свадьбы, а мы ни съ мѣста, все въ той же деревушкѣ, гдѣ не съ кѣмъ живымъ словомъ подѣлиться, а вѣдь я человѣкъ. Неужели всѣ восемь лѣтъ я училась для того, чтобы киснуть въ этой глуши, гдѣ солнце то бываетъ только по двенадцатымъ праздникамъ.

— Знаю и отлично чувствую, что тебѣ тяжело, особенно когда я уѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ по приходу, но что же подѣлаешь? Вѣдь ты сама отлично знаешь, что я не разъ просилъ о переводѣ, но Владыка и слышать не хочетъ: «открой,—говорить,—школу, построй домъ для нея, тогда переведу», а на что строить домъ и содержать школу—объ этомъ не спрашиваетъ.

— Проси училищный совѣтъ ассигновать деньги.

— Велика штука! Ассигнуютъ сто рублей на постройку дома да шестьдесятъ рублей на содержаніе учителя, а больше ни копейки, да и тѣхъ года два не получишь, а на что содержать тунгусскихъ ребятишекъ и чѣмъ ихъ кормить у насъ не спрашиваютъ. «Обойдется,—говорятъ,—какънибудь.» А какъ? Госнодь вѣдаетъ!

Одинъ изъ наблюдателей совѣтовалъ заставить прихожанъ выстроить школу и содержать на счетъ прихода, но это только говорить можно. Съ бѣднаго мужика и такъ тянуть во всѣ стороны, а тутъ еще хлѣбъ пятый годъ не родится, да и что соберешь съ двадцати дворовъ; о тунгусахъ и толковать нечего. Они сами мрутъ съ голоду, какъ мухи. Не съ ихъ брать, а имъ помогать надо.

Эхъ, мать, ничего ты въ этомъ не смыслишь, а туда-же толкуешь, вродѣ нашихъ консисторскихъ, которые, не зная гдѣ, что и какъ, шлютъ указъ за указомъ съ приказаніемъ

сдѣлать то-то и то-то, а сами часто не знаютъ — гдѣ находится то село, куда слѣдуетъ отправить указъ.

Да что толковать попустому, пойду лучше къ куму Роману поболтать отъ скуки.

И отецъ Иванъ, одѣвъ старую рясенку съ порижьлой щипайой, отправился къ куму.

Кумъ о. Ивана, сельскій писарь Романъ Чалыхъ, бойкій мужчина, уроженецъ города Ярославля, гдѣ и служилъ секретаремъ полиціи, но за разныя тонкія штуки по должности сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ и устроился сельскимъ писаремъ, не забывая и здѣсь утончаться въ разныхъ крѣпкотворныхъ фокусахъ, которые очень чувствительно отзывались на кочующихъ тунгусахъ, доказательствомъ чему служили соболья шапка писаря, бѣличій тулунъ и иняи пушистыя вещи, находившіяся въ его сундукахъ.

Послѣ обѣда, получивъ почту, писарь собирался залечь на боковую, но его благому намѣренію не суждено было осуществиться, причивой чего послужилъ приходъ кума.

— Миръ дому*сему, — проговорилъ, входя, о. Иванъ, причемъ широко перекрестился на образъ Св. Николая, висѣвшій въ переднемъ углу.

— Ахъ, куманекъ дорогой! Милости просимъ. — отвѣтили Чалыхъ. — Какими это вѣтрами?

— Вѣшними и внутренними, кумъ.

— А, понимаю, должно быть кумушка опять удила закусилъ?

— И не говори, пилить съ утра до вечера, хоть топись; я и безъ нея отлично понимаю, что ей тяжело живется, но что подѣлаешь: «противу рожна прати не будешь».

— А школу-то, кумъ, забылъ.

— Ну и ты туда-же, — махнулъ рукой о. Иванъ. — Ужъ если заводить школу, такъ ужъ такую, чтобы она была обезпечена и привосила ту пользу, какую должна приносить, а при нашихъ порядкахъ о подобныхъ школахъ и думать нечего.

— Эхъ, кумъ, — проговорилъ Чалыхъ. — Я бы на твоёмъ мѣстѣ, не мудрствуя лукаво, открылъ-бы какую ни на-есть, лишь бы только меня послѣ открытія перевели куда-нибудь.

— Ну, да будетъ толковать объ этомъ; вотъ скажи ка лучше, нѣтъ ли писемъ изъ города.

— Сейчасъ почту получили, есть и тебѣ одна слезница член архіерейскаго дома.

— Давай поскорѣе, это должно быть, Андреичъ - келейникъ владыки пишетъ.

— Изволь получить, — сказала Чалыхъ, доставая изъ стола письмо.

— Спасибо, — проговорилъ о. Иванъ, разрывая дрожащими руками конвертъ, откуда выпалъ большой листъ бумаги, кругомъ исписанный мелкимъ кудреватымъ почеркомъ.

— Ну, ты, кумъ, занимайся посланіемъ, а я похлопочу относительно закусочки и иного прочаго, — проговорилъ Чалыхъ, уходя въ отворенную дверь направо.

О. Иванъ углубился въ чтеніе письма, причемъ по временамъ на его лицѣ появлялась улыбка, но, дочитавъ до середины, онъ издалъ громкое восклицаніе:

— Вотъ такъ штука! Не было печали, такъ черти накачали.

— Что такое случилось? — спросилъ Чалыхъ, входя. — Или къ преподобнымъ *) посылають?

— Во сто кратъ хуже, — отвѣтилъ о. Иванъ сердито.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— А въ томъ, милый куманекъ, что въ концѣ ноября къ намъ пріѣдетъ....

— Китайскій императоръ что-ли?

— А вотъ отгадай-ка: кто?

— Ну, фокусники!

— Еще лучше.

— Мировой?

— Нѣтъ!

— Исправникъ?

— Нѣтъ!

— Благочинный?

— Хватиль, да онъ всегда ѣздитъ въ мартѣ.

— Ну, такъ владыка что-ли?

— Онъ, собственной своей персоной и со всею свитою.

— Это, дѣйствительно, необыкновенный гость. Я здѣсь живу двадцать лѣтъ, а владыки ни разу не видѣлъ; да что ему здѣсь дѣлать-то?

— Вотъ, поди-жь ты, вздумалъ и пріѣдетъ; спросить, гдѣ школа? Ну, что я ему скажу?

— Плюнь пока на это, пойдемъ лучше выпьемъ, да закусимъ чѣмъ Богъ послалъ.

И пріятели направились въ смежную комнату, гдѣ на столѣ стояли настойки передъ стегномъ козлятины, отъ котораго шелъ горячій паръ.

*) Т. е. въ монастырь.

Когда кумовья закусили порядкомъ, конечно, съ приличнымъ возліяніемъ, то Чалыхъ задалъ о. Ивану слѣдующій вопросъ:

— А когда думаетъ пріѣхать владыка?

— Въ концѣ ноября, — отвѣтилъ о. Иванъ.

— А такъ какъ сейчасъ у насъ половина августа, то и выходитъ, что за это время много воды утечетъ въ нашей рѣкѣ, значить, по этому поводу слѣдуетъ выпить.

И пріятели, чокнувшись, выпили по красовѣ.

— Знаешь, кумъ, что бы я сдѣлалъ на твоёмъ мѣстѣ? — началъ лукаво Чалыхъ.

— Прозорливостію не обладаю, а потому и не могу знать, что творится въ твоей головѣ.

— Ну, такъ слушай внимательно. Архіерей пріѣдетъ въ ноябрѣ, значить черезъ три мѣсяца, а такъ какъ онъ тебѣ сказалъ, что, если ты откроешь школу, то будешь переведенъ на болѣе лучшей приходъ, — вотъ я бы на твоёмъ мѣстѣ собралъ бы человѣкъ десять деревенскихъ ребятишекъ и выучилъ бы ихъ чи ать молитвы наизусть, а также правильному названію иконъ, находящихся въ церкви, потому что по твоимъ рассказамъ онъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на это.

— Паки и паки рцы.

— А дальше къ пріѣзду его собралъ бы этихъ ребятишекъ въ церкви и представилъ бы какъ учениковъ, а потомъ во время обѣда еще разъ напомнилъ-бы ему о переводѣ, и не забылъ бы при этомъ при ревизіи книгъ владычьиымъ секретаремъ вложить въ нихъ извѣстную мзду съ просьбой походатайствовать о переводѣ; знаешь, ласковое дитя двѣ матки сосеть.

— Ну, и фантазія же у тебя, что твой Жюль-Вернь; послушаешь, какъ будто такъ и должно быть.

— А то какъ-же? Подумай, вѣдь у тебя матушка есть которой жить хочется.

— Да ты, братъ, настоящій ходатай по дѣламъ! Вотъ не зналъ я раньше, а то бы попросилъ написать слезницу. А кто же будетъ готовить ребятъ, когда мнѣ нужно поѣхать мѣсяца на два по стойбищамъ тунгусовъ, чтобы приготовить дѣла къ пріѣзду владыки.

— А я то на что! Да я тутъ такую аудиторію устрою, что отдай все да и мало, да и матушка навѣрно съ радостію поможетъ.

— А гдѣ помѣщеніе? Да и кто слушать то васъ будетъ, развѣ на веревочкѣ ребятъ поведете?

— Ну, объ этомъ, отче, не безпокойся, — сказала Чалыхъ, трепля кума по плечу. — Помѣщеніе у меня въ квартирѣ, благо я одвѣ: жена прѣдетъ черезъ полгода, значитъ, съ этой стороны затрудненіе устранено, а послушаніе то у меня въ рукахъ. Сяду и напишу бумажку, якобы отъ исправника о томъ, чтобы всѣ ребяташки къ прѣзду владыки знали молитвы и названія иконъ, а себя предложу, какъ учителя. Еще благодарить будутъ. Одвѣмъ словомъ, комаръ носу не подточить!

— А если онъ пожелаетъ заглянуть въ школу?

— Эхъ, чѣмъ удивиль! Скажемъ, что школа открыта недавно и помѣщается въ наемномъ домѣ. Я на всякій случай все лишнее уберу, поставлю столъ, чернила и нѣсколько лавокъ, меня же представишь, какъ учителя, а тамъ ужъ я знаю что говорить, а выпить-то по этому поводу не мѣшаетъ, — кончилъ Чалыхъ, наливая рюмки.

Но только что пріятели успѣли выпить, какъ раздался страшный ударъ грома, отъ котораго домъ писаря потрясся въ своемъ основаніи. Это начиналась страшная таежная гроза, сопровождаемая ужаснымъ ураганомъ, вырывавшимъ, какъ былинки, деревья въ обхватъ толщиною. Рѣка кипѣла, какъ котель съ водою въ раскаленной печи. Горе запоздавшему рыболову, застигнутому этимъ ураганомъ: ему не видать больше съ дѣтьми и женою, развирѣвшаая рѣка задушитъ его въ своихъ холодныхъ объятіяхъ.

О. Иванъ при ударѣ грома заторопился домой, боясь за свою жену, страдающую во время грозы припадками, присущими женщинамъ.

Чалыхъ, прощаясь съ кумомъ, посоветовалъ ему подумать на досугѣ о томъ, что они говорили.

Придя домой, о. Иванъ передалъ женѣ разговоръ съ кумомъ. Та нашла, что умѣе этого ничего не придумаешь и такъ доѣхала о. Ивана, что онъ сказала, махнувъ рукою:

— Дѣлайте, какъ знаете, а я завтра поѣду по стойбищамъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого разговора въ одинъ изъ сѣренькихъ осеннихъ дней о. Иванъ, накануне возвратившійся изъ своей тяжелой и длинной поѣздки по приходу, пошелъ къ Чалыхъ смотрѣть несуществующую школу и провѣрить познанія импровизированныхъ учениковъ. Писарь къ приходу его собралъ въ своемъ домѣ двѣнадцать человекъ ребятшекъ, рассадилъ ихъ на скамьи, а самъ торжественно

услѣся къ окну за бѣлый некрашенный столъ, на которомъ красовалась чуть не ведерная чернильница и груда сѣрой бумаги, а направо въ углу стояла дверь отъ стараго амбара, собственноручно вымазанная писаремъ сажею, которая на случай осмотра школы должна была служить доскою.

При входѣ о. Ивана ребятишки встали, а самъ Чалыхъ, принявъ самую серьезную позу, предложилъ ему провѣрить знанія учениковъ по Закону Божию. Оказалось, что ребята все молитвы знали наизусть. Послѣ этого они были отпущены по домамъ, а кумовья занялись выпивкой.

— Ну, и башка же у тебя, кумъ! — началъ о. Иванъ. Вѣдь надо же было такую механику придумать; это во первыхъ, а во вторыхъ, въ какихъ нибудь два мѣсяца собрать и выучить ребятишекъ читать молитвы наизусть. Да вѣдь ты и не то что владыку, ѣдущаго къ намъ въ первый разъ, а меня самого могъ въ заблужденіе ввести, не знай я этого раньше.

— Для друга все старанія приложили, — отвѣтилъ Чалыхъ.

Вышивъ за дружбу и обесудивъ все подробно, какъ встрѣчать и чѣмъ угощать дорогого гостя, о. Иванъ отправился въ церковь, чтобы слѣдить за уборкой и приведеніемъ ея въ праздничный видъ, такъ какъ владыку ждали назавтра утромъ, а Чалыхъ побѣждалъ выгонять лошадей навстрѣчу ѣдущимъ.

Назавтра въ восемь часовъ утра прискакали нарочный съ извѣстіемъ, что владыка черезъ часъ будетъ.

Ребятишки сейчасъ же собраны были въ церкви, а Чалыхъ ходилъ между рядами учениковъ несуществующей школы, объясняя имъ, что стѣсняться не слѣдуетъ, а нужно отвѣчать, какъ можно смѣлѣе.

Вдругъ раздается звонъ и трапезникъ, стоявшій на караулѣ, стремительно влетаетъ въ церковь, крича во все горло:

— Ёдетъ! Ёдетъ!

— О. Иванъ облачается въ ризу и идетъ въ притворъ; звенятъ колокольцы и къ церкви лихо подкатываетъ похожий на Ноевъ ковчегъ возокъ, запряженный пятеркою взмыленныхъ лошадей, изъ котораго съ шумомъ и визгомъ выдѣзаютъ пѣвчіе; вслѣдъ за ними на второй пятеркѣ владычный секретарь съ протодіакономъ и иподіакономъ. Секретарь, поздоровавшись съ о. Иваномъ, проходитъ въ алтарь затѣмъ, чтобы, пока владыка служитъ молебень, обревизовать церковное письмоводство, для чего приходи-

расходныя и метрическія книги, а также исповѣдныя росписи и клировыя вѣдомости, заранѣе сто разъ провѣренныя, лежать на особомъ столѣикѣ. Во всѣхъ книгахъ между листами имѣются талисманы краснаго, синяго и иныхъ цвѣтовъ, при видѣ которыхъ ревизующій теряетъ способность замѣчать ошибки и неправильности веденія книгъ. Протодіаконъ и иподіаконъ облачаются въ церковныя одежды и выходятъ для встрѣчи подъѣхавшаго владыки.

Сейчасъ-же начинается молебенъ. Пѣвчіе отъ излишняго употребленія разныхъ питій орутъ сильными голосами. По окончаніи молебна протодіаконъ и пѣвчіе спѣшаютъ къ церковному старостѣ для капитальнаго ремонта своихъ голосовъ и пополненія благоутробій разными яствами и пріятіемъ цѣлой мзды отъ щедротъ старосты, а владыка, благословивъ народъ, ведетъ со священникомъ бесѣду о дѣлахъ и, между прочимъ, спрашиваетъ про школу.

— Недавно открылъ,—отвѣчаетъ о. Иванъ, для храбрости хватившій красоулю,—не угодно ли вамъ посмотрѣть ее и спросить учениковъ.

— Отлично, отлично; я школу люблю, потому что она служитъ фундаментомъ для нравственныхъ устоевъ человѣка; а это, должно быть, ученики?—владыка показываетъ въ сторону ребятшекъ.

— Да,—отвѣчаетъ о. Иванъ, трясаясь при этомъ какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, такъ я вотъ ихъ здѣсь и спрошу. А скажи-ка мнѣ,—обращается онъ къ одному отъ малыхъ сихъ,—знаешь ты молитвы?

— Знаю,—отвѣчаетъ храбро Ванька, шустрый, первый драчунъ и задира деревни.

— Какія же молитвы ты знаешь?— снова спрашиваетъ владыка.

— Отчу, Богородицу, Вѣрую,—отвѣчаетъ Ванька.

— А ну, прочти Вѣрую.

Парень начинаетъ читать, сыпя словами, какъ горохомъ, но не понимая ни одного слова изъ того, что онъ читаетъ.

Такимъ образомъ изъ спрошенныхъ пяти человѣкъ всѣ отвѣтили такъ же, какъ и Ванька шустрый.

На вопросъ владыки о томъ, какъ называются иконы, находящіяся въ храмѣ, получаютъ вѣрные отвѣты, напримѣръ: Спаситель не названъ Богородицей, а Богородица Николаемъ Чудотворцемъ. Отчего на лицѣ владыки появ-

ляется счастливая улыбка и онъ говоритъ, обращаясь къ о. Ивану:

— Спасибо тебѣ, первую школу вижу, въ которой ученики и молитвы твердо знаютъ и названія иконъ не путаютъ — и, давъ золотой на покупку конфетъ для ребятшекъ, съ довольнымъ видомъ идетъ въ квартиру о. Ивана провѣрять кулинарное искусство матушки, гдѣ во время обѣда о. Иванъ не забываетъ просить владыку о переводѣ поближе къ городу, мотивируя свою просьбу болѣзнию жены. Владыка по добротѣ душевной, а отчасти и подъ влияніемъ вкуснаго обѣда тутъ же переводитъ его въ богатое подгородное село, рассчитывая на мѣсто о. Ивана назначить молодого священника изъ имѣющихъ окончить курсъ семинаріи.

Переночевавъ въ Мухинѣ, владыка наавтра въ семь часовъ утра уѣхалъ во свояси.

Черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго и о. Иванъ, закончивъ всѣ дѣла и простившись съ кумомъ, отправился къ новому мѣсту своего служенія.

III.

Спустя болѣе года, на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ владыка, случайно разговорившись съ инспекторомъ народныхъ школъ Вертихвостовымъ, узналъ, что тотъ ѣдетъ по округу и что ему придется заѣхать въ Мухино, такъ какъ жена вновь назначеннаго священника приходится ему племянницей. Тогда владыка попросилъ его посмотреть мухинскую школу. Вертихвостовъ обѣщаль доложить ему подробно о ней.

Когда же чрезъ мѣсяцъ Вертихвостовъ верхомъ по таежной тропинкѣ добрался до села Мухина, то послѣ взаимныхъ лобзаній со священникомъ и племянницей первымъ долгомъ спросилъ:

— Ну, какъ идетъ школа?

— Пока никакъ, отвѣчаетъ священникъ.

— То есть, какъ это никакъ?

— Да такъ, что ея нѣтъ.

— А куда-жъ она дѣлась? — удивился Вертихвостовъ.

— Да ея никогда то и не было. Я вотъ думалъ было построить, да средствъ нѣтъ.

— Какъ не было? Да мнѣ самъ владыка говорилъ, что есть, и просилъ посмотреть ее, — горячился Вертихвостовъ.

— А я вамъ еще разъ скажу, что нѣтъ и не было.

— А какъ же владыка то?

— Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе.

Черезъ три дня Вертихвостовъ, возвращаясь обратно въ городъ, всю дорогу ворчалъ: „не понимаю, ничего не понимаю, была и нѣтъ“, такъ что ямщикъ на одномъ перевозѣ, сообразивъ, что у барина жена убѣжала, посоветовала ему не беспокоиться, такъ какъ всѣ бабы дуры и думать о нихъ не слѣдь.

По пріѣздѣ домой Вертихвостовъ, простудившійся за дорогу, вынужденъ былъ полмѣсяца сидѣть въ комнатѣ, но такъ какъ онъ обѣщался сообщить владыкѣ о состояніи Мухинской школы немедленно по возвращеніи, то и написалъ ему письмо, въ которомъ сообщилъ, что въ Мухинѣ школы не было и нѣтъ, почему онъ и не имѣлъ возможности обривизовать ее.

Черезъ недѣлю письмо его возвращается обратно, при чемъ на полѣ письма рукою владычиною написано: „самъ былъ; видѣлъ и нашелъ въ прекрасномъ состояніи“.

Н. Ясачный.

Нохтуйскъ — Мача.

Какъ часто приходилось мнѣ въ отрочествѣ слышать эти два названія и никогда я не предполагалъ, что оба эти поселенія находятся такъ близко другъ отъ друга; еще менѣе я думалъ бывать въ нихъ, а тѣмъ болѣе служить, что, къ сожалѣнію, однако случилось.

Оба эти поселенія расположены другъ противъ друга по берегу рѣки Лены; изъ нихъ Нохтуйскъ по лѣвую, а Мача по правую сторону теченія. На лѣвой сторонѣ расположена и рѣчка Мача, отъ имени которой и дано названіе поселенію по правому берегу рѣки Лены.

Несмотря на давнишнее существованіе, оба эти поселенія — Мача теперь, Нохтуйскъ всегда — влачатъ жалкое существованіе.

Нохтуйскъ расположенъ въ Олекминскомъ округѣ Якутской области верстахъ 70-90 отъ границы съ Иркутской губерніей, къ территоріи которой принадлежитъ Мача. Нохтуйскъ, или, вѣрнѣе сказать, Нохтуйская почтовая станція состоитъ изъ 20-30 жалкихъ домишекъ, разбросанныхъ въ полугорѣ, а Мача, расположенная на небольшой равнинѣ, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе строеній, какъ бывшая когда то резиденціей гремящихъ прежде крупныхъ золото-промышленныхъ компаній по системѣ рѣки Олекмы и складочнымъ пунктомъ для товаровъ, хлѣба и мяса, доставлявшихся сплавомъ по рѣкѣ Ленѣ на прииски.

И теперь еще доставляютъ, но уже времена не тѣ...

Такъ скоропреходяща слава приискательская!

Во время оно, т. е. въ періодъ особеннаго развитія беззастѣливой приисковой наживы, ввоза спирта, Мача, а за ней и Нохтуйскъ, гремяли.

Гремяли, разумѣется, распутно, уголовно, винопольно.

Безъ сомнѣнія, отъ всея души, отъ всего помышленія Мача воздвигла храмъ, по убожеству которому вы не найдете равнаго даже въ захолустныхъ селахъ Иркутской губерніи, лежащихъ въ сторонѣ отъ тракта. За все время существованія Мачѣ и Нохтуйску не удалось еще выстроить собственныхъ зданій подъ начальныя училища, которыхъ,

кстати сказать, даже и въ насмномъ домѣ вовсе не имѣется на Мачѣ.

Не говоримъ даже про лечебныя заведенія. Вѣроятно, если бы оба эти населенія пропили только на одну десятую часть меньше того, что они употребили на приобретение столь милыхъ ихъ сердцу издѣлій изъ вина и спирта (вѣдь, и теперь еще бывають дни, когда нохтуйская винополія торгуетъ на пять тысячъ рублей, а двѣ—три тысячи рублей—обычная дневная выручка!) и на оплату разныхъ «ложеснъ», то, безъ сомнѣнія, у нихъ былъ бы свой перевозъ, свои училища, лечебныя заведенія, богадѣльня. Но довлѣетъ двени злоба его: хватило бы на нашъ вѣкъ, а тамъ хоть трава не расти! А вѣрше: день да ночь—сутки прочь!

Теперь считаю нужнымъ подѣлиться дорожными впечатлѣніями.

Проѣхавъ дорогу отъ Якутска до Нохтуйска на «почтовыхъ», отмѣчу здѣсь прелести этого способа передвиженія.

Рѣдко можно встрѣтить въ Россійской Имперіи мѣсто, гдѣ бы такъ худо поставлена была эта весьма доходная для правительства статья.

Въ Якутской области, по Приленскому тракту, почтовая гоньба составляетъ пребенду для мѣстнаго, на словахъ только, крестьянскаго населенія.

Посмотрите только на то, что нашеть и косить этотъ мнимый крестьянинъ; но зато какъ много онъ пропиваетъ и проигрываетъ въ карты!

На Наманинской, на примѣръ, станціи жены однажды собирались было бросить своихъ пьяницъ—мужей; въ Чекурской волости при составѣ населенія до девяносто человекъ пропивается въ годъ отъ семи до одиннадцати тысячъ рублей.

Вмѣсто того, чтобы удобрять скапливающимся навозомъ поля, приленскіе «крестьяне» предпочитаютъ валить его въ рѣку Лену, которая и безъ того всячески заикачивается всѣми, кому только не лѣнь.

«Крестьянинъ» этотъ никогда не дѣлаетъ загородокъ для своего скота, который мерзнетъ и вымерзаетъ подъ открытымъ небомъ, тутъ же и разрѣшаясь отъ бремени.

Почтовое вѣдомство совершенно не интересуется постановкой гоньбы у этихъ мнимыхъ крестьянъ, которые пекутся лишь о томъ, чтобы заполучить фуражную плату, а затѣмъ и пропить или проиграть, или то и другое вмѣстѣ, а что будетъ потомъ, это ихъ совершенно не интересуетъ: они очень хоро-

шо знаютъ, что, благодаря благопекущемуся почтовому вѣдомству, здѣсь нѣтъ другихъ конкурентовъ: слѣдовательно, гоньба такъ или иначе обезпечена за ними.

Дѣло дошло до того, что это вѣдомство игнорируетъ даже жалобы такихъ должностныхъ лицъ, какъ бывшій прокуроръ Якутскаго окружнаго суда Говчаровъ, жалоба котораго на одной изъ станцій невдалекѣ отъ города Олекминска на медленность ѣзды была оставлена безъ послѣдствій подъ предлогомъ якобы эпидеміи на лошадей.

Между тѣмъ, какъ вся эта эпидемія состояла лишь изъ того, что полученная фуражная плата была пристроена въ винополию или проиграна въ карты, а семьямъ и животнымъ было предоставлено существовать, какъ они знаютъ.

Вѣдь нигдѣ не допустить подрядчика до гоньбы, пока не освидѣтельствуютъ запасы и принадлежности этой подрядной гоньбы; въ Якутской же области этимъ вопросомъ даже и не задаются, памятуя лишь о неуклонномъ поступленіи въ карманы неокладныхъ сборовъ и предоставляя публикѣ за свои кровныя денешки (9 копѣекъ на версту и пару клячь!) разсчитываться своими боками за пользование невозможными россиянтами и такими же экипажами.

Затѣмъ, если такъ относятся къ жалобамъ прокуроровъ, то на что же можетъ разсчитывать въ подобныхъ случаяхъ простой обыватель?

Комнаты, именуемыя почтовыми, по неудобствамъ представляютъ нѣчто совершенно невообразимое.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ вашемъ относителномъ распоряженіи одна небольшая комнатунка сомнительной чистоты; тутъ же ютится столъ съ принадлежностями писаря; остальные комнаты заняты семейными хозяевами. Стѣны этой жалкой комнатунки увѣшены всевозможными объявленіями этихъ невозможныхъ Солногородовыхъ и Нижегородовыхъ.

Въ объявленіяхъ этихъ предусмтрѣно, кажется, чтобы и вздохъ проѣзжающаго не вырвался безъ разрѣшенія начальства.

Кромѣ того, въ эти жалкія помѣщенія набивается куча ямщиковъ, которые начинаютъ галдѣть на этомъ языкѣ дикарей (своей родной они уже давно почти совсѣмъ утратили!), курить, плевать, сморкаться, харкать прямо на полъ!

Въ добавокъ, если вы имѣли несчастье заночевать, васъ безпокоятъ насѣкомыя, спертый, смрадный воздухъ, визгъ и ревъ хозяйскихъ дѣтей!

Вотъ вамъ и помѣщеніе, предназначенное, какъ гласятъ объявленія начальства, для отдохновенія проѣзжающихъ!

Помимо неудобствъ для проѣзжающихъ почтовая гоньба далеко неудовлетворительно обслуживаетъ и нужды корреспондентовъ которыми зачастую приходится получать посылки не только не во время, но даже просто изгаженными, вапримѣръ, подмоченными: ящики «стѣсняются» обязать положительныя мѣста по пути, а начальники еще болѣе по весьма понятнымъ причинамъ «стѣсняются» штрафовать ихъ за это.

При цѣлости же вѣншей оболочки посылки за все это отдувается «корреспондентъ».

Мало того, однажды областное начальство придумало отмѣнить обывательскую гоньбу, существовавшую исключительно для надобностей мѣстнаго населенія, переложить ее, ничтоже, по своему обыкновенію, сумвяшеся, на общій государственный бюджетъ.

Благодаря этому, получилось ротъ что: вездѣ чины мѣстной администраціи ѣздить на обывательскихъ лошадяхъ, содержимыхъ на счетъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ, въ якутской же области они производятъ разѣзды на счетъ суммъ государственнаго казначейства и такимъ образомъ мѣстныя нужды оплачиваются за счетъ государства, а мнимые «крестьяне» получили въ этомъ переложеніи еще одну «пребенду» для оплаты ихъ винопольныхъ и картежныхъ нуждъ и потребностей.

А гдѣ то тамъ плутъ разговоры о сокращеніи бюджета, а въ частности прогоннаго кредита!

Мы уже не упоминаемъ о томъ, что всякое «переложеніе» не зависигь отъ произвола администраціи. Покончивъ съ почтовыми порядками, коснусь теперь Нохтуйска.

Я уже былъ вторымъ врачомъ, назначеннымъ на этотъ участокъ въ промежутокъ времени менѣе года.

6 марта 1912 года я прибылъ на этотъ участокъ, а фельдшеръ, зная о моемъ скоромъ прибытіи, взялъ да за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда уѣхалъ куда то будто по экстренному дѣлу, вызову.

Встрѣтивъ меня на дорогѣ и узнавъ на станціи, что это пріѣхалъ участковый врачъ, онъ не изволилъ вернуться, а пріѣхалъ лишь черезъ нѣсколько дней.

На участкѣ другого фельдшера не было и я, значить, терялъ время въ ожиданіи, когда онъ изволилъ возвратиться.

А такъ какъ деньги на содержаніе амбулаторіи, субсидируемой двумя сельскими обществами, онъ, по неизвѣстной

причинѣ, получалъ самостоятельно, въ амбулаторіи не было даже прислуги и, по возвращеніи его изъ поѣздки къ мнимо больному, я долженъ былъ выглядывать изъ его рукъ каждый стаканъ воды, чтобы обмыть руки.

Затѣмъ, когда я, по возвращеніи его съ мнимою дѣловой поѣздки, ознакомился съ состояніемъ аптеки, амбулаторіи и вообще съ положеніемъ послѣдней, то я изумился тому преступному хаосу, который царилъ въ ней, гдѣ рядомъ со слабодѣйствующими веществами находились сильнѣйшіе яды вроде сулемы, кротоноваго масла, опія, морфія и проч.

Мало того, вездѣ валялась масса порошковъ, на оберткѣ которыхъ не было никакихъ надписей объ ихъ содержимомъ.

На мой вопросъ, кто же этимъ занимался, я получила отвѣтъ, что все эти порошки дѣло рукъ бывшей фельдшерницы, которая, рассыпая порошки, никогда не писала на оберткѣ ихъ надписей.

Я уже не говорю о массѣ разныхъ испорченныхъ лекарствъ, которыя, если бы не были изгажены, очень бы пригодились намъ при нашей сельсковрачебной скудности.

Но они были такъ сильно изгажены, что просто опасно было ими пользоваться. Фельдшеръ, по своему обыкновенію, все валилъ на своихъ предметниковъ, а особенно на отравившагося фельдшера.

И трудно было вѣрить, глядя на неряшливость, разгильдяйство, безмятежность настоящаго фельдшера, что этотъ хаосъ принадлежалъ его предметнику, посѣтивъ котораго однажды, я никакого безпорядка, а тѣмъ болѣе хаоса, подобнаго настоящему, въ группировкѣ лекарствъ и во внѣшней обстановкѣ не нашелъ.

Я приводилъ въ возможный порядокъ аптеку, а фельдшеръ стоялъ и смотрѣлъ, какъ будто это такъ и слѣдовало.

Насколько по домашнему вообще фельдшеръ этотъ относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, видно было изъ того одного, что, не принадлежа къ числу распорядительныхъ должностныхъ лицъ, будучи представителемъ лишь низшаго медицинскаго персонала, собственною властью вскрывалъ денежные кружки, расходовалъ общественныя суммы въ то время, когда самостоятельный фельдшерскій пунктъ былъ уже уничтоженъ, — да и тогда онъ не имѣлъ права, — а образованъ былъ вмѣсто него врачебный участокъ.

Суммы эти, ассигнованныя на нужды лечебнаго дѣла, служили главнымъ образомъ, если неисключительно, нуждамъ фельдшерскаго быта.

Составленный фельдшером отчетъ въ расходѣ такихъ суммъ представлялъ изъ себя не дѣйствительный по производству расходовъ отчетъ, а составленный заднимъ числомъ, не упоминая уже о томъ, что его удалось получить даже и въ этомъ то видѣ послѣ цѣлаго ряда настояній.

Слишкомъ поздно спохватилось врачебное отдѣленіе насчетъ своихъ ставленниковъ: въ началѣ 1912 года состоялся циркуляръ врачебнаго отдѣленія въ отнѣну безконтрольнаго распоряженія фельдшерами общественными суммами, да и то больше на бумагѣ.

Въ амбулаторіи во время приѣма больныхъ катались даже и при мнѣ на велосипедѣ дѣти фельдшера и мнѣ стоило большихъ усилій выдворить ихъ отсюда.

На шкафахъ аптеки, на окнахъ, покрытыхъ грязью и пылью, валялись дѣтскія игрушки.

Крикъ, шумъ, гамъ, сцены разбирательства недисциплинированныхъ дѣтей слышались въ амбулаторіи зачастую и при мнѣ, а ранѣе они составляли правило. На окнахъ аптеки стояли ящики съ россадой и оставалось еще только посадить въ аптеку куриць парить циплять и я глубоко увѣренъ, что это обязательно случилось бы, если бы пришла пора къ этому, а то стояло еще только начало марта, когда я прибылъ сюда.

И многое здѣсь въ аптекѣ и амбулаторіи напоминало мнѣ сцены изъ безсмертной комедіи Гоголя.

Всѣ инструменты, единственная кружка Эсмарха, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе этотъ фельдшеръ, были приведены въ крайне загрязненное состояніе, и чтобы они вовсе не утратили своего назначенія, я отобралъ ихъ отъ него, вымылъ, перечистилъ ихъ самъ и перенесъ къ себѣ на квартиру.

Фельдшеръ, не интересуясь служебными обязанностями, страдалъ безпамятствомъ; онъ рѣшительно не помнилъ ничего, что дѣлалъ только что сейчасъ.

Лекарства готовилъ съ точки зрѣнія, сколько схватишь, и что есть изъ ингредіентовъ подъ рукой, а если это на другомъ столѣ, то уже не положить, и въ общемъ представлялъ изъ себя, въ лучшемъ случаѣ, многосемейнаго инвалида: больше всего онъ смекалъ въ рубль—цѣлковомъ, да въ доносахъ подъ чужими именами, какъ увидеть потомъ читатель. Подъ вліяніемъ этого рубля—цѣлковаго фельдшеръ исчезалъ изъ амбулаторіи даже и предъ моимъ визитаціоннымъ приходомъ и это не составляло чего либо особеннаго, если принять во

вниманіе „бумажку“ врачебнаго отдѣленія, отъ 7 февраля 1912 г. за № 01965, гдѣ говорится, что ставленники сего отдѣленія отлучались по своимъ личнымъ дѣламъ безъ разрѣшенія своихъ врачей и находились въ отлучкѣ продолжительное время.

Таковъ былъ ближайшій помощникъ, о которомъ будетъ сказано еще ниже.

9 марта за № 3 я доложилъ областному начальству, что въ амбулаторіи я нашелъ въ крайне ограниченномъ количествѣ и плохомъ состояніи обстановку, болѣе, чѣмъ въ половинѣ принадлежавшую не казнѣ, а домовладѣлицѣ, къ моему пріѣзду имѣлось всего 4 халата, да разная заваль испортившихся, нигуда негодныхъ медикаментовъ.

10 марта за № 8 я писалъ тому же начальству, что ни въ Якутскомъ, ни въ Олекминскомъ казначействѣ не удалось получить жалованья за февраль по отсутствію въ нихъ кредита по земской смѣтѣ.

Лишь бумагой отъ 30 марта врачебное отдѣленіе уведомило меня, что кредитъ на жалованье участку возстановленъ по Олекминскому казначейству.

16 марта, запасшись тѣми лекарствами, которыя имѣлись, я двинулся съ объездомъ вверхъ по участку до Тинной, а съ 19 марта внизъ отъ Нохтуйска до Бирюка, что я дѣлалъ отъ поры до времени и ранѣе, но не въ силу отношенія врачебнаго отдѣленія, отъ 23 февраля 1912 г., а на основаніи инструкціи по сельсковрачебной части.

21 марта я возвратился въ Нохтуйскъ, разсчитывая, что на почтѣ лежать уже посылки съ лекарствами, инструментами, перевязочнымъ матеріаломъ изъ Якутской аптеки, давно уже отобранными мною, когда я былъ въ городѣ, но ошибся.

Нужно сказать, что и. д. врачебнаго инспектора было прекрасно извѣстно, что во всемъ Олекминскомъ врачебномъ округѣ не было ни куска ваты, ни вершка марли, въ чемъ онъ именно убѣдился, проѣзжая этотъ округъ въ началѣ января 1912 года изъ отпуска въ Якутскъ.

Посылочка этихъ не оказалось и въ послѣдующей почтѣ, которая при обычныхъ условіяхъ циркулируетъ два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ положеніе становилось уже крайне затруднительнымъ: приславъ былъ выписанный значительно позже изъ Петербурга стерилизаторъ, но совершенно не имѣлось того, что подлежало стерилизаціи, т. е. перевязоч-

наго матеріала, инструментовъ; имѣлись части аппарата для гонки воды, которая можно было бы установить, но не было денегъ на это, какъ и вообще на оборудованіе, содержаніе амбулаторіи, наемъ служителя; не было необходимыхъ лекарствъ, какъ, напримѣръ, соды, кастороваго масла; не была назначена акушерка, хотя передъ отъездомъ изъ Якутска въ отвѣтъ на свои опасенія (я звалъ, съ кѣмъ имѣю дѣло!) я получилъ во врачебномъ отдѣленіи категорическій отвѣтъ, что акушерка будетъ назначена на участокъ съ такимъ расчетомъ во времени, что прибудетъ еще зимнимъ путемъ. Разумѣется, все это оказалось пуфомъ, о чемъ было сообщено для скорѣйшаго распоряженія областному начальству 19 апрѣля за № 64.

Въ результатѣ приходилось испытывать всевозможныя затрудненія и при томъ совершенно безцѣльно, отказывать больнымъ въ подачѣ самой элементарной помощи за отсутствіемъ самаго существеннаго и за недостаткомъ самой простѣйшей житейской обстановки въ родѣ, напримѣръ, цѣлаго рукомойника, ведра, полотевца.

Я вновь представилъ объ этомъ областному начальству 25 марта за № 32.

Несмотря на это, 28 апрѣля въ участковой аптекѣ не было посуды, пробокъ, пинетокъ, мензурокъ, клизмомъ, резиновыхъ баллончиковъ, разновѣса, роговыхъ вѣсковъ, тарирныхъ вѣсовъ, кружекъ Эмарха, двухсторонней клеенки, соды, кастороваго масла, коллодіума, хлороформа, ээира, бѣлаго вазелина, ланолина, зеленого мыла, инструментовъ.

О послѣднихъ врачебное отдѣленіе уведомило меня въ концѣ апрѣля, что они выписаны изъ Петербурга и придутъ съ первыми пароходами, но я оставилъ службу на участкѣ въ концѣ августа, а инструменты все еще шли.

Точно также я не получилъ инвентарной и денежной книги, несмотря на просьбу отъ 26 апрѣля за № 70.

Положеніе еще болѣе ухудшалось, вслѣдствіе присутствія такого помощника, какъ участковый фельдшеръ.

Халатность его доходила до того, что онъ залилъ однажды водой только что полученныя лекарства и всѣ они не погибли лишь потому, что я во время замѣтилъ въ ящикѣ эту воду, а фельдшеръ дѣланно при этомъ изумлялся, какъ это могъ сдѣлать.

Несмотря однако на свою служебную безпамятность, халатность, подъ свое помѣщеніе фельдшеръ занялъ три ком-

наты, четвертую кухню, а амбулаторія ютилась въ одной комнаткѣ, перегородженной на двое.

Видя хаотическое состояніе всей амбулаторіи, я предупредилъ этого фельдшера, приводя аптеку въ возможный видъ, что, вѣроятно, я какъ только приведу аптеку въ сносный порядокъ и буду имѣть возможность приобрести замокъ (такъ я былъ богатъ авансами на содержаніе амбулаторіи!), то сильнодѣйствующія вещества я буду держать подъ замкомъ.

Онъ началъ просить меня, чтобы второй ключъ я оставилъ ему, причемъ удостовѣрялъ, что верхоглядство свое оставить.

Я имѣлъ слабость уступить его просьбѣ и въ результатѣ, придя какъ то разъ въ амбулаторію въ неурочный часъ, я засталъ шкафъ съ сильнодѣйствующими веществами настежь раствореннымъ, столъ запачканнымъ разсыпанными порошками.

Тогда я заменилъ шкафъ на одинъ ключъ. Небрежно и грязно обращался этотъ фельдшеръ со всѣмъ, съ чѣмъ приходилъ въ соприкосновеніе, особенно съ перевязочнымъ матеріаломъ, которымъ я раздобылся не много по частной практикѣ. И до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала фельдшерница, а это случилось только въ концѣ мая, я почти ничего не могъ сдать изъ того, немного приобретеннаго тоже только въ половинѣ мая, такъ какъ до ея пріѣзда у меня не было лица, которому можно было бы что нибудь сдать съ надеждой не увидѣть это въ скоромъ времени изгаженнымъ или использованнымъ для хозяйственныхъ цѣлей, напримѣръ, только что полученный стерилизаторъ для варки каши семьѣ фельдшера. Во второй половинѣ апрѣля мѣсяца было написано письмо старшему врачу Якутской гражданской больницы съ просьбой сообщить и. д. врачебнаго инспектора, что представляетъ изъ себя участковый фельдшеръ и замѣнить его другимъ. Въ началѣ я не хотѣлъ поднимать дѣло официальнымъ порядкомъ; поэтому прибѣгъ къ неофициальному воздѣйствію, да и, кромѣ того, хотѣлось имѣть лишняго свидѣтеля, зная, что я имѣю дѣло съ и. д. врачебнаго инспектора.

Разумѣется, докторъ В. А. Плесскій исполнилъ мою просьбу, но она не имѣла успѣха у и. д. врачебнаго инспектора, который отвѣтилъ В. А. Плесскому, что врачъ собирается уѣзжать, нельзя же оставить участокъ безъ фельдшера.

Однако официально мнѣ ничего не было отвѣчено, несмотря даже на телеграмму въ маѣ п. д. врачебнаго инспектора.

Тогда 4 іюня за № 114 я повторилъ врачебному отдѣленію письмо свое доктору Плесскому по поводу этого многосемейнаго инвалида.

При этомъ я добавилъ, что для меня остается совершенной загадкой, почему врачебное отдѣленіе не желаетъ избавить участокъ отъ подобнаго фельдшера, тѣмъ болѣе, что недавно состоялся выпускъ фельдшеровъ и я просилъ назначить ко мнѣ другого фельдшера, который уже служилъ у меня.

Я сослался при этомъ на прошедшее уже въ законодательномъ порядкѣ распоряженіе по ветеринарному вѣдомству (по Уральскому казачьему войску), чтобы фельдшера опредѣлялись на должности лишь съ согласія ветеринарныхъ врачей.

Разумѣется, я отвѣта не получалъ, почему 14 іюня за № 124 я вновь сообщалъ, что во время объѣзда участка вверхъ до Тинной мнѣ удалось узнать, что фельдшеръ позволяеть себѣ распространять про меня, что я не даю ему тѣхъ лекарствъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, нуждаются больные.

И ранѣе я замѣчалъ, а теперь и особенно стало мнѣ бросаться въ глаза, что во время объѣздовъ фельдшеръ занимался мѣной лекарствъ на сельскіе продукты и дошелъ въ этомъ поприщѣ нынѣ до такой безцеремонности, что сталъ заниматься этимъ даже и въ моемъ присутствіи, такъ что на одной изъ станцій я уже вынужденъ былъ вызвать его изъ другой комнаты, гдѣ онъ занимался келейной раздачей, между прочимъ, настойки іода и предложить ему направлять больныхъ ко мнѣ для записи хотя бы въ смыслѣ розданнаго.

При такихъ обстоятельствахъ я просилъ бумагой и телеграммой п. д. врачебнаго инспектора убрать отъ меня этого фельдшера, въ противномъ случаѣ, я писалъ, передамъ дѣло въ печать.

И только послѣ этого состоялось перемѣщеніе фельдшера. Затѣмъ врачебное отдѣленіе сообщило мнѣ, что до настоящаго времени отъ меня ходатайства о переводѣ фельдшера не поступало.

Что же касается письма моего къ доктору Плесскому, то оно не относится къ дѣлу, такъ какъ переводъ должност-

ныхъ лицъ можетъ быть сдѣланъ лишь при наличности официальныхъ уважительныхъ данныхъ, а не основываться на частныхъ письмахъ лицамъ, совершенно постороннимъ.

Да и о письмѣ официально врачебное отдѣленіе узнало, какъ оно писало далѣе, лишь по полученіи отъ меня неопредѣленной и малопонятной по содержанію телеграммы.

Въ заключеніе отдѣленіе высказало, что тонъ упрека совершенно неумѣстенъ. Далѣе, 21 іюня за № 10641 отдѣленіе сообщило, что другого, кромѣ пунктоваго, фельдшера назначить было нельзя, такъ какъ фельдшеровъ, желающихъ служить на моемъ участкѣ, не находится.

Просимый мною фельдшеръ въ командировкѣ и по этой причинѣ въ данное время тоже не можетъ быть назначенъ. Такимъ образомъ я вынужденъ былъ отвѣтить на эту бумагу врачебнаго отдѣленія по существу.

Я писалъ, что я не упрекалъ отдѣленіе, а иллюстрировалъ лишь факты и то, какъ къ нимъ относится врачебное отдѣленіе. Я писалъ не доктору Плесскому, а старшему врачу Якутской больницы, упорядочившему ее; этими словами начиналось мое письмо.

Писалъ не въ качествѣ частнаго лица, а должностнаго, которому было уже не въ могоду служить съ подобнымъ фельдшеромъ; избралъ эту форму сношенія потому, что не хотѣлъ поднимать дѣло совершенно официально, полагая, что начальство догадается и не будетъ ждать повторенія.

Не получая въ скорости отвѣта, но зная, что содержаніе письма сообщено и. д. врачебнаго инспектора, я попробовалъ еще разъ напомнить о своей просьбѣ, пославъ и. д. инспектора телеграмму, гдѣ высказалъ, что ожидаю отвѣта на письмо къ доктору В. А. Плесскому.

Получивъ эту телеграмму, какъ онъ говоритъ неясную и малопонятную, и. д. Врачебнаго инспектора могъ бы запросить меня по поводу этой неясности и неопредѣленности; но ничего этого сдѣлано не было; значить, не въ этомъ была сила.

Мало того; еще 25 мая за № 98 я аттестовалъ фельдшера, какъ расходчика общественныхъ суммъ; заканчивая эту бумагу, я высказалъ, что въ дѣлѣ составленія отчетовъ фельдшеръ, какъ и во всемъ, проявилъ такія познанія, что въ качествѣ документовъ пересчиталъ даже бѣлые листы бумаги. Что же можно довѣрить такому фельдшеру? А между тѣмъ, по инструкціи вся переписка лежитъ на немъ.

Тутъ ужъ неопредѣленнаго ничего не было; однако, опять былъ молчокъ, повидимому, почему то интересный для и. д. врачебнаго инспектора, затѣмъ я процитировалъ въ бумагѣ отвѣтъ мнѣ доктора Плескаго по поводу моего письма къ нему, вкратцѣ приведенный выше.

Невѣрна была также и ссылка на счетъ просимаго фельдшера, о назначеніи котораго на участокъ я возбудилъ ходатайство въ апрѣлѣ, за долго до всякихъ командировокъ.

Лживо было также и удостовѣреніе, что на мой участокъ никто не идетъ служить: въ апрѣлѣ или маѣ самъ и. д. врачебнаго инспектора спрашивалъ меня по телеграфу, которую изъ двухъ кандидатокъ я желаю зачислить къ себѣ на участокъ.

Памятуя изрѣченіе *timeo Danaos et dona ferentes*, я высказался за ту, которую хотя сколько нибудь зналъ, о чемъ и доложилъ областному начальству, которое проѣздомъ на встрѣчу генераль-губернатору посѣтило берегъ Нохтуйска.

И, наконецъ, насчетъ нежеланія я замѣтилъ, что меня, врача, два товарища по профессіи турнули въ такую дыру, какъ Нюрба, завѣдомо противъ всякаго моего желанія.

Кромѣ того, фельдшеръ скверно велъ свой журналъ, на обзаведеніи которымъ только я настоялъ, чтобы при мѣсячномъ отчетѣ онъ не хваталъ цифръ съ потолка; выдавалъ себя по своимъ познаніямъ равнымъ доктору медицины, хирургіи и акушерства; признавалъ себя специалистомъ по сифилитологій, не встрѣтилъ бы препятствій впрыснуть «606»; вообще, былъ специалистъ по всѣмъ отраслямъ, а главнымъ образомъ, конечно, по части рубля — цѣлковаго.

Любопытно отмѣтить здѣсь вотъ какой казусъ.

Въ отвѣтъ на мои жалобы, что я не получаю изъ врачебнаго отдѣленія просимыхъ уже давно мною медикаментовъ, такихъ, напримѣръ, какъ сода, касторовое масло, губернаторъ заявилъ мнѣ при проѣздѣ Нохтуйска, что врачебное отдѣленіе показываетъ ему всегда въ отвѣтъ на мои ходатайства исходящій нумеръ, за которымъ якобы отправлено мнѣ уже давно все просимое.

Я сказалъ, что это неправда.

Тогда онъ послалъ и. д. врачебнаго инспектора телеграмму о немедленной высылкѣ просимаго мной и получилъ отвѣтъ, что все просимое уже выслано мнѣ съ слѣдующимъ пароходомъ.

Случайно губернаторъ опять проѣзжалъ Нохтуйскъ на томъ же пароходѣ, гдѣ ѣхало, по словамъ и. д. врачебнаго инспектора, и все просимое мною.

Онъ попросилъ меня распечатать все это въ его присутствіи, что я и сдѣлалъ; но оказалось, что я былъ правъ: то, чего нужно было, то, что я просилъ и о чемъ онъ только что подтвердилъ своей телеграммой, того какъ разъ и не оказалось.

Посланъ былъ разсѣлъ по телеграфу... но милые бранятся, только тѣшатся, я же тѣшиться не желалъ и разобралъ по существу отвѣтное стремленіе и. д. врачебнаго инспектора обълится. 9 іюня 1912 г. за № 118 я сообщалъ областному начальству, что врачебному отдѣленію давно уже и детально при томъ было извѣстно, какъ скверно былъ обезпеченъ весь Олекминскій округъ, а не одинъ только Нохтуйскій его участокъ, медицинскими принадлежностями.

Проѣздомъ еще въ началѣ 1912 года и. д. врачебнаго инспектора было извѣстно, что ни въ первомъ, ни во второмъ (Нохтуйскомъ) врачебномъ участкѣ не было буквально ни куска ваты, ни вершка марли.

По этой причинѣ приходилось ранѣе отказывать больнымъ, которыхъ было бы несравненно больше, и въ данное время придерживаться того же, вслѣдствіе недостатка вылаканной кое какъ ваты и марли, которую приходилось держать только на чистые, экстренные случаи.

Отсутствіе хлороформа, отсутствіе вѣсовъ для сильнодѣйствующихъ, отсутствіе вѣсовъ вообще, разновѣса, резинобаллоновъ (былъ одинъ всего на всего, который долженъ былъ служить, по мысли врачебнаго отдѣленія, и для надобностей глаза, уха и задняго прохода), мыла кастороваго масла, соды,—было вполне устранимо приобрѣтеніемъ всего этого, хотя бы въ минимальныхъ размѣрахъ впродъ до полученія транспортовъ изъ Россіи, въ аптекѣ общества врачей.

Не виноватъ же былъ участокъ, что врачебное отдѣленіе, взявшее на себя распорядительную роль, которая пришлась ему далеко не по плечу, не позаботилось о выпискѣ для него лакастровъ во время.

Кромѣ того, въ чемъ была нужда—докладывалось врачебному отдѣленію мною лично, когда еще былъ я въ городѣ Якутскѣ. Такимъ образомъ, оно было ознакомлено болѣе, чѣмъ во время, о нуждахъ участка и не вина была участка въ томъ, что врачебное отдѣленіе разрѣшилось да и то въ канцелярскомъ смыслѣ лишь 18 апрѣля журналомъ объ оборудованіи, и при томъ въ самыхъ жалкихъ размѣрахъ, Нохтуйской амбулаторіи.

Фактически же оказалось возможным привести этот журнал въ исполненіе лишь 12 мая.

Между тѣмъ, врачебному отдѣленію была хорошо известна та сумма, которою два крестьянскихъ общества субсидировали амбулаторію, и какъ она аккуратно выплачивалась.

Если бы участокъ относился къ дѣлу, какъ врачебное отдѣленіе съ точки зрѣнія исходящаго нумера, то Нохтуйская амбулаторія не произвела бы хорошаго впечатлѣнія на посѣтившаго ее генераль-губернатора и у адъютанта начальника края не вырвалось бы невольнаго восклицанія, что такой чистоты они не встрѣтили даже въ Витимскомъ врачебномъ участкѣ, существующемъ уже десятокъ слишкомъ лѣтъ.

Кстати здѣсь замѣтить, что послѣдній ящикъ съ россадой мы вынесли изъ амбулаторіи всего за нѣсколько часовъ до перваго проѣзда Нохтуйска губернаторомъ.

Такъ, значить, фельдшеръ и его семья ни въ чемъ не сомнѣвались и были увѣрены въ своей безнаказанности!

Будучи недоволенъ перемѣщеніемъ, фельдшеръ всячески старался затянуть свой отъѣздъ, не освобождая казенной квартиры, занимать которую онъ не имѣлъ никакого права, такъ какъ квартирныя деньги были введены ему въ окладъ жалованья, какъ и прочимъ фельдшерамъ; между тѣмъ, квартира эта нужна была для надобностей амбулаторіи, для нуждъ которой она и была исключительно окормлена.

Я не разъ и не два просилъ врачебное отдѣленіе понудить этого фельдшера къ очисткѣ квартиры; но отвѣта не дождался и, лишь спустя вдолгъ, фельдшеръ наконецъ оставилъ эту квартиру.

Какъ потомъ оказалось, фельдшеръ затягивалъ свой отъѣздъ вотъ по какому поводу: онъ въ это время сочинялъ доносъ на меня, но только подъ чужими именами. Доносъ этотъ я опровергъ фактическими данными и 18 августа 1912 года за № 207 просилъ якутскаго губернатора привлечь жалобщиковъ на меня вмѣстѣ съ фельдшеромъ къ законной отвѣтственности за клевету, ложь, оскорбительныя выраженія, а фельдшера, кромѣ того, и за безпорядки по должности.

Тѣмъ временемъ и, д. врачебнаго инспектора, желая допечь меня, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ, распорядился во второй половинѣ іюля возложить на меня всѣ судебныя экспертизы по Олекминскому округу.

Распоряженіе это я считалъ незаконнымъ по слѣдующимъ причинамъ: на основаніи перваго параграфа дѣйствующей инструкціи медицинскому персоналу по сельско-врачебной части, утвержденной къ исполненію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 20 ноября 1903 года, обязанности участковаго врача заключаются въ оказаніи медицинской помощи населенію и въ исполненіи обязанностей по судебно-медицинской и медико-полицейскимъ частямъ, но лишь въ предѣлахъ ввѣреннаго ему участка, а не тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, заблагодарасудится врачебному инспектору.

Я завѣдывалъ только частью Олекминскаго округа и именно тою, которая простиралась отъ станціи Тинной, пограничной съ Иркутской губерніей, до станціи Дурдусовской, предпоследней станціи предъ городомъ Олекминскомъ, а новымъ распоряженіемъ на меня желали возложить обязанности судебно-медицинскія и по первому участку Олекминскаго округа, которымъ я не завѣдывалъ, на пространствѣ отъ Дурдусовской станціи до границы съ Якутскимъ округомъ.

По силѣ 63 параграфа той же инструкціи участковые врачи назначаются, перемѣщаются и увольняются по распоряженію губернатора, а не врачебнаго инспектора, которому по дѣйствующей инструкціи (§ 64) предоставлено такое право только на счетъ низшаго медицинскаго персонала, а именно фельдшеровъ и акушерокъ.

И губернатору, на основаніи указаннаго выше 63 параграфа, предоставлено лишь назначить врачей на участки для завѣдыванія вообще медицинскою частью, а не дробить по своему усмотрѣнію эти обязанности. На основаніи 45 параграфа этой инструкціи, на врачей можетъ быть возлагаемо завѣдываніе лишь вакантными участками, а не частями таковыхъ или отдѣльными обязанностями.

Пока я служилъ по Якутской области, я не встрѣчалъ препятствій завѣдывать, согласно инструкціи, первымъ врачебнымъ участкомъ Олекминскаго округа, если таковой окажется вакантнымъ и завѣдываніе его, по инструкціи, будетъ возложено на меня въ установленномъ порядкѣ.

Въ практикѣ врачебнаго отдѣленія былъ, на примѣръ, случай, когда врачъ Вилуйской колоніи прокаженныхъ былъ избавленъ даже отъ завѣдыванія вообще сосѣднимъ вакантнымъ врачебнымъ участкомъ; а на меня то же отдѣленіе, лишая права полученія вознагражденія за завѣдываніе сосѣднимъ вакантнымъ участкомъ, возлагало самую тяжелую обязанность, судебно-медицинскую, сопряженную съ однимъ

только тяжелыми разъѣздами, да неприятными явленіями констатированія разныхъ судебно-медицинскихъ казусовъ, вообще едва сносимыхъ даже и тогда, когда на обязанности лежать не они одни.

Я не былъ окружнымъ врачомъ, какіе были здѣсь ранѣе до введенія сельско-врачебной части и несли исключительно судебно-медицинскія обязанности, и потому на меня нельзя возлагать ихъ исключительно, тѣмъ болѣе, что и по инструкціи то онѣ стоятъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ.

На основаніи изложеннаго, я обратился 18 іюля съ жалобой на дѣйствія и. д. врачебнаго инспектора къ Иркутскому генералъ губернатору.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ, въ какомъ положеніи находилась медицина въ области до реформы ея.

До 1897 года въ области сельской медицины не существовало.

Было лишь по числу округовъ пять окружныхъ врачей, которые подавали помощь населенію лишь при своихъ разъѣздахъ по исполненію судебно-медицинскихъ обязанностей и выѣзжали иногда во время появленія эпидемій.

Для леченія больныхъ имъ отпускалось по 50 рублей въ годъ на приобрѣтеніе лекарствъ.

Сельскихъ лечебницъ никакихъ не было, а лишь было 4 сифилитическихъ лечебницы въ 4 окружныхъ городахъ для леченія специально сифилитиковъ.

5 августа 1897 года былъ введенъ въ Якутской области законъ о преобразованіи сельской медицины.

Согласно этого закона образовано 10 сельскихъ врачебныхъ участковъ, которые по количеству населенія распределены были такъ: въ Якутскомъ округѣ 5, въ Вилюйскомъ 2, а въ остальныхъ по одному, кромѣ того одинъ врачъ для командировокъ.

Въ помощь каждому участковому врачу назначено было по 2 фельдшера и одной фельдшерицѣ — акушеркѣ, а въ округахъ Колымскомъ, Верхоянскомъ и Олекминскомъ по три фельдшера и по одной фельдшерицѣ-акушеркѣ.

Въ каждомъ участкѣ положено было имѣть для стационарныхъ больныхъ лечебницу на 10 кроватей съ ассигнованіемъ на содержаніе ея по 1800 рублей въ годъ, а въ округахъ Олекминскомъ, Колымскомъ и Верхоянскомъ приемные покои съ пятью кроватями каждый.

Для приобрѣтенія лекарствъ ассигновано было по 450 рублей на участокъ.

Открытие врачебныхъ участковъ совершалось постепенно, по мѣрѣ назначенія и прибытія врачей къ мѣсту службы въ области.

Отдаленность Якутской области отъ центровъ интеллигентной жизни и суровыя, полныя лишеній жизненныя условія ея служили и служатъ до сихъ поръ препятствіемъ для успѣшнаго заполнения штата врачебныхъ должностей! соответствующими кандидатами; поэтому открытіе участковъ шло крайне медленно.

Медикаментами участки снабжались изъ аптеки Якутской гражданской больницы, которая за свое посредничество въ этомъ дѣлѣ брала съ участковъ только 50⁰/о и лишь съ 1900 года понизила ихъ до 30⁰/о.

На перевязочные предметы отпускалось по 50 рублей въ годъ на каждый участокъ, территориальное распределеніе врачей выражалось такъ: область занимала пространство въ 3515000 квадратныхъ верстъ, жителей въ ней 270000, участковыхъ врачей 10, на одного врача въ среднемъ приходилось 351000 квадратныхъ верстъ и 27000 жителей.

При нѣкоторомъ перераспределеніи ихъ получилось вотъ что: въ Якутскомъ округѣ было рѣшено имѣть 5 врачей на 719000 квадратныхъ верстъ и 157000 жителей, т. е. на одного врача приходилось 144000 квадратныхъ верстъ и 31000 жителей; въ Вилюйскомъ округѣ два врача и на одного приходилось 440000 квадратныхъ верстъ съ 38000 жителей, въ Олекминскомъ округѣ пространствомъ 335000 квадратныхъ верстъ съ 15 тысячами жителей, въ Верхленскомъ пространствомъ 947000 квадратныхъ верстъ съ 13 тысячами жителей и въ Колымскомъ пространствомъ 604000 квадратныхъ верстъ съ 6500 жителей по одному врачу.

Такимъ образомъ, введеніе въ Якутской области сельской реформы въ 1897 году выразилось лишь тѣмъ, что вмѣсто бывшихъ пяти окружныхъ врачей назначено десять участковыхъ, т. е. сельско-врачебная помощь въ области, хотя и увеличилась вдвое, но больше на бумагѣ, такъ какъ мало было охотниковъ ѣхать сюда служить.

Прошло съ тѣхъ поръ почти 15 лѣтъ и, однако, возъ и понынѣ тамъ.

Передъ нами лежитъ вызовъ врачей на службу въ Якутскую область, сдѣланный въ 1912 году, гдѣ рисуются разныя заманчивыя перспективы вродѣ, напримѣръ, двойныхъ прогоновъ, не въ зачетъ годовыхъ окладовъ жалованья и прочее и прочее и, однако, какъ мы лично слышали въ Нохтуй-

скѣ отъ областного начальства, никого желающихъ не нашлось и то же начальство намъ высказалось, зная о намѣреніи нашемъ покинуть въ скоромъ времени службу въ этомъ гнѣдомъ краѣ, что, вѣроятно, у нашего предполагаемаго замѣстителя будетъ участокъ отъ границы съ Иркутской губерніи до ледовитаго океана.

Врачъ А. М. Серебrenиковъ.

Томскъ.

8 марта 1913 г.

Сибирскіе поэты.

П. Дравертъ.

По вмѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, П. Дравертъ къ кореннымъ сибирякамъ не принадлежитъ. Студентъ казанскаго университета, онъ былъ сосланъ въ административномъ порядкѣ послѣ 1905 года въ Якутскую область, гдѣ и выпустилъ свой первый сборничекъ стиховъ, достаточно претенціозныхъ и деревянныхъ по формѣ и содержанію. Встрѣчались въ сборничкѣ и проблески дарованія, но въ общемъ и цѣломъ его лучше забыть. Отбывъ положенное число лѣтъ, П. Дравертъ перебрался въ Томскъ, гдѣ и работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Въ Томскѣ же вышелъ въ 1911 году и второй сборникъ стиховъ П. Драверта—«Подъ небомъ Якутскаго края», доставившій автору сравнительно большую извѣстность. Сборникъ этотъ, какъ въ ряду писаній о Сибири, такъ и въ чистс-художественномъ отношеніи, заслуживаетъ нашего вниманія, и собственно о немъ-то, въ связи съ именемъ П. Драверта, мы и будемъ говорить.

Передъ нами—два діаметрально-противоположныхъ отзыва о сборникѣ «Подъ небомъ Якутскаго края».

Въ одномъ—рецензія В. В-на въ «Современномъ Мирѣ» за 1911 г., № 5—говорится, что *«въ книжѣ Драверта мерцаетъ отраженіе далекой сибирской тайги, сѣвернаго солнца. Авторъ свободно пользуется красками своеобразной природы. Онъ умѣетъ запечатлѣть въ своихъ стихахъ:*

Озеро закрѣпленныя воды, безмѣрную ширь ба-
дарана.

Пахучій, печальный багульникъ, березъ низко-
рослыхъ кусты,

И ржанье коней утомленныхъ, и радостный шумъ
каравана

При видѣ искристаго дыма трубы одинокой юрты».

Въ другой рецензіи, подписанной «И. К-а» («Сибирское Слово», № 63, 1911 г.), совершенно отрицается способность П. Драверта къ изображенію специфическихъ оттѣнковъ якутской природы, констатируется полное

отсутствіе якутскаго или сибирскаго колорита въ сіо поэзіи.

Итакъ, который же изъ рецензентовъ правъ? Не правы, намъ думается, оба. О замѣткѣ въ «Современномъ Мирѣ» нечего и говорить: это — просто на просто обычный, трафаретный вздоръ кабинетнаго петербургскаго критика о Сибири: автора плѣвили, очевидно, всё эти мѣстные словечки, вродѣ «бадара-рана» и тому подобныхъ, разбросанныхъ обильно въ книгѣ, или даты, вродѣ «Кысылъ-Тусъ», «Чучуръ-Муранъ», «Уоттахъ-Хая» и другихъ, — отсюда и восторги, и «мерцаніе», и «свободное пользованіе красками своеобразной природы», и тому подобный, ничѣмъ необоснованный вздоръ. Статья въ «Сибирскомъ Словѣ», безпощадно отрицающая Драверта, какъ отображителя мѣстнаго колорита, несравненно цѣннѣе и литературно-добросовѣстнѣе, хотя и несравненно болѣе заслуживаетъ возраженія. Во всякомъ случаѣ, остановиться на ней слѣдуетъ.

Разбору творчества П. Драверта критикъ предпослалъ довольно любопытное обоснованіе своего взгляда на мѣстные мотивы въ поэзіи, — обоснованіе, трактующее ту же тему, которая была затронута и нами, но только съ другого конца, въ статьѣ о Федоровѣ-Омулевскомъ, и приводящее въ сущности къ аналогичнымъ съ нашими выводамъ.

— «Въ одномъ изъ произведеній Г. Сенкевича, — говоритъ г. И. К.-а. — приведенъ интересный разговоръ о мотивахъ искусства между художникомъ и героемъ романа.

— Если бы вся природа состояла вонъ изъ той одной ивы, — указывая на склонившееся дерево, сказалъ художникъ (цитирую по памяти), — то и этого было бы вполнѣ достаточно для искусства —...

«Мысль парадоксальная, но, несомнѣнно, въ ней заключена доля истины. Мотивы современнаго искусства, конечно, не ограничиваются настроеніями, получаемыми отъ одной ивы: границы его неизмѣримо шире; но нельзя не сознаться, что многое и многое еще остается за гранью общепризнаннаго. Рядомъ съ изощреніемъ въ изображеніи близкаго и понятнаго, изощреніемъ, достигшимъ замѣчательной виртуозности, цѣлый рядъ проявленій бытія остается почти неочерченными крыломъ генія. Бытіе, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, разсѣивается и отлагается во всей вселенной. На той небольшой крупинкѣ, которая называется землей, нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы не разливался свѣтъ солнца,

дуны и звѣздъ, гдѣ не существовало бы жизни. Каждая человѣческая душа, это—цѣлый складъ пережитыхъ ею и полученныхъ отъ предыдущихъ поколѣній настроеній. И передъ лицомъ великаго бытія всѣ эти души, какъ по интенсивности своихъ переживаній, такъ и по количеству зафиксированныхъ движеній духа, почти равны. Каждая изъ нихъ можетъ замѣнить одинокую иву Сенкевича.

«Но, въ то же время, каждая новая и пространственная точка созерцанія и всякая отдѣльная индивидуальность имѣютъ зачастую глубокія различія. Тѣ настроенія, которыя дають небо Италіи, или тѣ переживанія, которыя вылились черезъ душу Шопена, не могутъ собою всецѣло замѣнить того, что можетъ дать небо Сибири, или разившаяся до высоты шопеновской интеллигентности душа теперь убогаго сына киргизской степи! Музыка Шопена—квинтъ-эссенція польскихъ народныхъ мелодій, скопленныхъ въ глубинѣ вѣковъ и вылившихся черезъ самое чистое горнило къ сіянію вѣчности, но она—не квинтъ-эссенція всего цѣлокупнаго міра звуковъ. Таковую въ свой удѣлъ получить только будущее человѣчество.

«Безчисленное множество впечатлѣній, какъ получаемыхъ отъ объектовъ бытія, такъ и отъ субъективныхъ переживаній личностей, для искусства пропадаетъ. Господствующіе мотивы искусства по существу далеко не являются общечеловѣческими. Мировое искусство настолько же оправдываетъ свое названіе, насколько всемірной исторіей можно назвать то, что теперь опредѣляется этимъ терминомъ. Это исторія, по преимуществу, такъ называемыхъ культурныхъ народовъ. И искусство, также какъ и наука, расширяя свои предѣлы, дѣлается все болѣе и болѣе общечеловѣческимъ. Забытые углы вселенной и забытыя души, поднимаясь въ своемъ значеніи, начинаютъ требовать себѣ мѣста и въ наукѣ, и въ искусствѣ. Правда, тогда со стороны культурныхъ братій начинаютъ слышаться жалобы на вторженіе въ искусство (объектъ науки болѣе общепризнанъ) провинціализма, или націонализма. Ихъ, однако, можно объяснить только однимъ большимъ недоразумѣніемъ, или, вѣрнѣе, неразумѣніемъ.

«Въ искусствѣ нѣтъ ни областничества, ни націонализма, какъ цѣли; оно можетъ способствовать этимъ факторамъ общественной жизни, только какъ средство. А такъ какъ до сихъ поръ ничего надъ-національнаго на землѣ не существуетъ, такъ какъ современное «міровое» есть лишь переразвитое за счетъ другихъ національныхъ коллективовъ англійское,

нѣмецкое, итальянское, русское и т. д., то и все другое, очерченное границами народности, имѣеть одинаковое право на свое развитіе. Въ противномъ случаѣ, потеряетъ тотъ будущій человѣкъ, который не будетъ имѣть ни національности, ни класса. А онъ имѣеть право получить *все* наследство, безъ всякаго ущерба. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

«Великая Сибирь также способна вложить свою дань въ общую сокровищницу міра. Задача и обязанность сибирскихъ художниковъ слова, кисти или мелодіи — обработать и сдѣлать достояніемъ всѣхъ то колоссальное богатство настроеній, которыя даетъ сибирская природа, тотъ огромный запасъ духовныхъ переживаній, который скопился въ душахъ, обитающихъ подъ впечатлѣніями сибирскаго неба. И чѣмъ болѣе поэтъ или художникъ проникнется настроеніями мѣстной природы и мѣстныхъ народныхъ переживаній, чѣмъ онъ, такъ сказать, будетъ болѣе сибирскимъ, тѣмъ успешнѣе ему удастся справиться со своей великой задачей».

Примѣняя эту точку зрѣнія къ П. Драверту, г. П. К.—а полагаетъ, что поэзія его не выдерживаетъ тутъ даже самой снисходительной критики: поэтъ не уловилъ специфическихъ красокъ якутской природы; болѣе того, онъ подмѣнилъ эти краски какими-то другими — итальянскими, испанскими, во всякомъ случаѣ, южными, экзотическими.

Изъ впечатлѣній бытія П. Дравертъ — если вѣрить г-ну П. К.—ѣ — улавливаетъ *только все ярко-кричащее* и проводитъ его сквозь примитивную призму алмазовъ, жемчуговъ, опаловъ, ультрамарина и аквамарина, оцѣнивая природу на впечатлѣнія, получаемыя отъ *вещей*. Вода у него безумная, горы вздымаются, нѣдра содрогаются, пожаръ гигантскій, и все прочее въ томъ же родѣ. Получается такъ, что Якутскій край — что то, съ одной стороны, «чуждое», пурпурно-ультрамариновое, а съ другой — ревущее, стонущее и вздымающееся. Не можетъ быть сомнѣнія, — заключаетъ критикъ, — что «эти особенности дравертовскаго творчества органически расходятся съ самыми скромными требованіями, какія только можно предъявлять каждому поэту, берущему на себя миссію пополнить общую сокровищницу мировой поэзіи настроеніями мѣстной природы и мѣстнаго народнаго духа. И то, и другое отъ проведенія его черезъ духовную призму г. Драверта не приобрѣло никакого художественнаго значенія».

Мы потому так подробно останавливаемся на статьѣ г. П. К-ы, что въ ней, во первыхъ, есть доля истины, а во вторыхъ, она обращаетъ на себя вниманіе своей кажущейся аргументированностью. Послѣдняя убѣдительна, впрочемъ, только на первый взглядъ. Авторъ статьи полагаетъ, что если онъ окажется неправымъ, то въ данномъ случаѣ могутъ быть лишь два случая: или — говоритъ онъ — „неудовлетворительность мой художественный критерій (что, я надѣюсь, никто мнѣ не докажетъ), или же неудовлетворительны стихи г. Драверта“.

Мы думаемъ, однако, что ни то, ни другое, т. е. и критерій г. П. К-ы (самая цѣнная часть статьи его, нами въ началѣ приведенная) правиленъ, и стихи П. Драверта далеко не заслуживаютъ такого безпощаднаго приговора. Мы совершенно раздѣляемъ художественную предпосылку г-на П. К-ы, но главный недостатокъ его статьи видимъ въ *недоанализѣ*. Недостаточность художественнаго анализа содержания — формы неизбежно приводитъ его къ односторонности.

Совершенно правильны указанія г. П. К-ы на главные дефекты творчества Драверта: пристрастіе его къ ярко-кричащимъ краскамъ, склонность къ примитивамъ въ образахъ, перегруженность естественно-научной (латинской) терминологіей и — что очень характерно для Драверта и тонко подмѣчено г. П. К-ой — *оцѣнку природы на впечатлѣнія, получаемыя отъ вещей* (такъ, напр., для созданія художественнаго образа „зыбкость рѣки“ поэтъ прибѣгаетъ къ сравненію ея съ опаломъ; улыбка у него „пурпурная“, краса „золотая“, закатъ „эмалевый“, и т. д., и т. д.). Все это такъ, и все это умаляетъ достоинства поэзіи Драверта не только какъ отображенія природы специфической, но и вообще, сообщая ей характеръ *нѣкоторой* грубой вещественности, даже деревянности. Но все же, нельзя же за деревьями не видѣть лѣса! *Поэзія П. Драверта, какъ попытка фиксаціи мотивовъ, родившихся и рождающихся подъ небомъ своеобразнаго Якутскаго края, есть явленіе довольно значительное.*

Мы попытаемся сейчасъ показать, что есть въ ней своеобразнаго и заслуживающаго вниманія.

Прежде всего, довольно своеобразнымъ представляется стихотворный *ритмъ* поэта.

Есть даже третьестепенные поэты, вродѣ Надсона или Никитина, поэзія которыхъ въ общемъ и цѣломъ далека отъ совершенства и достаточно безвкусна, но которые, тѣмъ

не менѣе, имѣли какую-то свою, отличную отъ другихъ, художественную физиономію,—а она, главнѣйше, въ ритмѣ, въ томъ, какъ говорить поэтъ. Можно имѣть какія угодно художественныя идеи, настроенія, образы, но если идеи эти, настроенія, образы, не переданы и соответствующимъ имъ ритмомъ, вся поэзія порой и очень бы способнаго стихотворца останется творчествомъ чуждымъ и, мелькнувъ въ литературѣ метеоромъ, не оставитъ въ ней, въ сущности, никакого слѣда. Какъ бы мы ни относились къ творчеству, допустимъ, того-же Надсона или Никитина, мы признаемъ, что эти люди, значить, сумѣли, все же, ударить въ какія то больныя мѣста своей эпохи, знали, что сказать, имѣли ту или иную индивидуальность. И, какъ отъ Надсона, напр., вы не отнимете его историческаго и —по обыкновенію у этого поэта—безпредметно расплывчатаго, но все же за какія-то струны задѣвающаго „Другъ мой, братъ мой“, такъ и съ именемъ Никитина всегда будетъ связано его неуклюжее, но задушевно-разговорное „Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ“, и друг. Вы не отнимете отъ этихъ поэтовъ ихъ ритма.

Ритмъ, это — *языкъ души поэзіи*. Нельзя, заговоривъ о томъ или иномъ поэтѣ, умолчать о языкѣ души его, нельзя умолчать о томъ, безъ чего нѣтъ и самой поэзіи. Г-нъ же И. К-а ни звукомъ не обмолвился о ритмѣ Драверта, — отсюда и нѣкоторыя черты недоанализа, отличающія его интересую по основной предпосылкѣ критику.

Въ эстетикѣ не имѣется, къ сожалѣнію, достаточно неразблѣмо установленнаго научно-объективнаго критерія для опредѣленія стихотворнаго ритма (какъ это есть, напр., въ отношеніи музыки, не говоря уже о наукахъ физико-химическихъ), — хотя и многіе ученые-эстетики и сами поэты не мало трудились надъ установленіемъ такого критерія. Больше всѣхъ поработалъ въ данной области всѣхъ и ученый А. Бѣлый, и все же многотомные труды его о словѣ и ритмѣ далеки отъ достиженія. Недаромъ же одинъ почтенный публицистъ-фельетонистъ, въ насмѣшку, уподобилъ Бѣлаго тому чеховскому гимназисту-репетитору, который, потѣя надъ задачкой, заданной его питомцу, наконецъ небрежно заявляетъ, что задача эта рѣшается алгеброй, а комммерсантъ панзша тутъ же берется за счеты и въ одну минуту порамляетъ репетитора, рѣшивъ задачу путемъ простѣйшихъ ариметическихъ выкладокъ. Мы не склонны смѣяться надъ попытками научно-объективнаго опредѣленія ритма (т. е. его

различней), полагая, что работа въ этой области есть первая и неотложная задача эстетики *)), но и мы не можем не признать, что въ работахъ А. Бѣлаго все еще слишкомъ много отъ „алгебры“, и пока что, намъ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ испытанному, хотя и далеко еще не „арифметическому“, критерию—глазомѣру. Только глазомѣромъ, за незнаніемъ *пока* „арифметическаго“ рѣшенія задачи (хитрый папаша намъ не примѣръ), мы и можемъ *пока* опредѣлить характеръ ритма, отличить ритмъ даннаго поэта отъ другихъ.

Съ тѣмъ же, далеко несовершеннымъ, критеріемъ подходимъ мы и къ ритму П. Драверта.

Наиболѣе характернымъ для Драверта въ отношеніи ритма (если совершенно исключить тѣ вещи, гдѣ поэтъ сбивается то на Некрасова, то на Оммулеваго, то, наконецъ, на Бальмонта) является стихотвореніе „Моей собакѣ“. Приведу его въ выдержкахъ.

Моя дорогая собака, моя Намава дорогая,
Тебѣ посвящаю я пѣсню, унылую пѣсню тоски,
И пусть по воздушнымъ пространствамъ несется
она, убѣгая
Въ страну, орошенную Леной, на берегъ вели-
кой рѣки.
Я здѣсь, разлученный съ тобою, хожу одино-
кій на волѣ,
Но воли не вижу и чахну подъ кровлей желѣз-
ныхъ листовъ,
И мнѣ вспоминается поле, якутское дикое поле,
Гдѣ рыскали въ бѣгѣ безпечномъ мы въ зарос-
ляхъ травъ и цвѣтовъ.
Теперь, въ отдалены жестокомъ, ты помнишь
ли стараго друга,
Пріавшаго вмѣстѣ съ тобою судьбы переменной
дары,
Дѣливаго братски и горе, и часъ золотого
досуга,
И жесткое хвойное ложе подъ сѣнью древесной
коры?

*) Высоко-интересны въ данномъ отношеніи и особенно возбуждаютъ надежды работы Маха и его послѣдователей, заграничныхъ и русскихъ Асторъ.

Ты помнишь ли путь до Олекмы отъ водъ
Кемпендяя соленыхъ
Въ безснѣжную зимнюю пору, губившую на-
шихъ коней,
Сверканіе звѣздъ полуночныхъ и льдовъ синева-
то-зеленыхъ,
Навпещія дикія глыбы среди оголенныхъ кам-
ней?
Озеръ закрѣпленныя воды, безмѣрную ширь ба-
дарана,
Пахучій, печальный багульничъ, березъ низкоро-
слыхъ кусты,
И ржанье коней утомленныхъ, и радостный шумъ
каравана
При видѣ искристаго дыма трубы одинокой
юрты?
Ты помнишь ли рыжія сосны, мохнатая чер-
ныя ели,
И лиственницъ стройныхъ колонны въ величьи
могучей красы,
Лѣсныя змѣистыя тропы, куда не доходятъ ме-
тели,
Медвѣдемъ разрытую почву и слѣдъ осторож-
ной лисы?
Стада тонконогихъ оленей, сохатаго скорбныя
очи,
Крикъ филина вечеромъ темнымъ, тяжелый по-
летъ глухаря,
Зловѣщія дунныя тѣни, и странные шорохи
ночи,
И гребень туманной вершины, гдѣ утромъ вста-
вала заря?..
Моя бѣлоснѣжная лайка, моя Намана дорогая,
Я вѣрю — мы встрѣтимся снова въ далекомъ
Якутскомъ краю;
Узнаешь ты стараго друга и, радостно вой и лай,
Въ стремительномъ, бурномъ восторгѣ на шею
мятнешься мою.

Даже при бѣгломъ прочтеніи этой характерной для Дра-
верта вещи, бросается въ глаза особая громоздкость и не-
уклюжесть „стиха“, т. е. ритма. Вы видите, что это имен-
но— „унылая пѣсня тоски“, которая стихійно, но и доста-
точно тяжеловѣсно, „несется“ по „пространствамъ“, „убѣ-

гая въ страну, орошенную Леной, на берегъ великой рѣки“. И не столько „тоски“ въ этой пѣснѣ и этомъ „стихѣ“, сколько „унынія“, однообразія, при всемъ кажущемся разнообразіи набросанныхъ картинъ. *Какой-то рядъ унылыхъ ритмовъ съ низкорослыми кустами сѣверной березы—вотъ, на глазомѣрѣ, характеръ ритма П. Драверта*, и врядъ ли будетъ отрицать и г. И. К—а, что характеръ этотъ достаточно соответствуетъ характеру и якутской природы, и мотивамъ, зарождающимся подъ унылымъ небомъ далекаго Якутскаго края.

Намъ скажутъ: но, вѣдь это же—недочеты поэзіи Драверта,—и это однообразіе, и эта унылость ритма! Врядъ ли такъ,—замѣтимъ мы:—нѣтъ красоты безотносительной, и то, что являлось бы антиэстетичнымъ въ передачѣ картинъ и красокъ юга, то можетъ какъ нельзя болѣе соответствовать своему назначенію при описаніи „пахучаго печальнаго багульника“ и „дикаго якутскаго поля“, „пути до Олекмы“ и „зловѣщихъ лунныхъ тѣней“, гдѣ столько дисгармоничнаго, страннаго, разнообразно-однообразнаго, и—столько безрадостнаго.

Далѣе: обратите вниманіе на эту повторяемость мотива— „моя дорогая собака, моя Намана дорогая“,—на эту малообобщенность образовъ, доходящую почти до прозаизма— „ты помнишь ли путь до Олекмы“, „въ страну, орошенную Леной“,—на эту разбитость картины на несведенныя въ цѣлое мелочи, на отсутствіе въ картинѣ центра и единаго обобщающаго духа, кромѣ духа „унылой тоски“,—и вы увидите, что и эта сторона—уже не ритма, а такъ называемой *художественности*—поэзіи Драверта въ достаточномъ соответствіи съ настроеніемъ породившей ее реальной обстановки. Ёдетъ полудикій инородецъ, и не вѣдающій обобщенія, не изощренный мозгъ его фиксируетъ въ хронологическомъ и зрительномъ порядкѣ впечатлѣнія извнѣ. Уныло напѣваетъ,—Ёдетъ и бунчить, и напѣваетъ, отмѣчая все, что мечется въ глаза и, по невѣдомымъ зацѣпкамъ, въ память:

Собака моя, моя!...

Олени бѣгутъ, бѣгутъ!..

Снѣгъ бѣлый, бѣлый!..

Луна, шаманъ...

О Найля, Найля!..

Той же разобщенностью впечатлѣній, порожденной однимъ и тѣмъ же небомъ, вьветъ и отъ картинъ, рисуемыхъ Дравертомъ.

Если откинуть определенный культурный налет, до модернизма включительно, и онъ, поэтъ нашъ, въ сущности съ наивностью якута заноситъ на бумагу свои то повседневныя, то исключительныя впечатлѣнія бытія. Очень несовершеннo съ точки зрѣнія культурнаго эстета, но несомнѣнно *колоритно* въ якутской оправѣ. Подобно дикому якуту, онъ поетъ:

Бѣлое поле. Бѣлая даль.
Въ блѣдной лазури облако бѣлое.
Лѣсъ оголенный. Солнце несмѣлое.
Шелестъ могильный. Холодъ. Печаль...
Млечная мгlistость. Скользкіе льды.
Слитыхъ кристалловъ хлопья летучіе.
Злобной метели иглы колючія.
Лисья, оленья, волчья слѣды...
Гладкія скалы. Гулъ глубины.
Бѣлою глыбой ель наклоненная,
Ласковость влаги въ землѣ усыпленная.
Ликъ охлажденной, желтой луны...

Какъ предыдущее стихотвореніе характерно въ отношеніи ритма Драверта, такъ данное произведеніе въ высшей степени типично въ отношеніи фиксаціи впечатлѣній извнѣ. Такіе вотъ нѣмые абрисы, вмѣсто сочной картины, постоянно попадаются у Драверта:

Голубая водная дорога.
Лилово-желтые пески.
Ровный берегъ. Кости носорога.
Рядъ слѣдовъ. Густые тальники.

Вся разница межъ этими характерными *примитивами* лишь въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ поэтъ совершенно обходится безъ сказуемыхъ, вельдствіе чего на нихъ неоспоримый отпечатокъ примитивизма*), а въ другихъ — дѣлаетъ уступку культурному мышленію. Но и тутъ и тамъ — въ замѣтномъ большинствѣ стихотвореній П. Драверта — несомнѣнный *якутскій складъ*. И не только въ отношеніи ритма или формы образовъ, т. е. ихъ контурности и при-

*) Читатель, конечно, обратилъ уже вниманіе на очевидное внѣшнее сходство этихъ примитивовъ съ знаменитымъ фетовскимъ «Шопотъ робкое дыханье» и т. д. Но сходство это именно только внѣшнее. Замѣтимъ кстати, что еще у отцовъ французскаго декадентизма было влеченіе къ примитивизму. Но и тутъ и тамъ это влеченіе есть плодъ изощренности въ то время какъ въ поэзіи покоящаго якута это лишь плодъ естественнаго хода мышленія, развившагося въ примитивной обстановкѣ, а у Драверта — естественное опрошеніе подлѣ якута, нечаянная колоритность мѣстнаго мотива — все что угодно, словомъ — только не плодъ обдуманной изощренности. — Авторъ.

митибизма, но и въ отношеніи--отчасти--содержанія. Характерный примѣръ—„Среди бадарановъ“.

Мой конь отдыхаетъ на волѣ,
Забывъ утомительный день,
И бродитъ въ болотистомъ полѣ
Его удлиненная тѣнь.
Ему не страшны привидѣнья:
Онъ съ духами въ мирѣ—мой конь.
А я, затаивъ опасенья,
Сижу и смотрю на огонь.
Въ какой-то тревожной печали
Волнуется пламя костра...
Обрѣзаны сумракомъ дали.
Не близко еще до утра...
Таинственно въ звѣздныхъ просторахъ
Сіяетъ волшебникъ Чолбонъ...
Въ осокѣ молитвенный шорохъ
И въ травахъ томительный стонъ.
Полночные духи взлетаютъ
Изъ тонкихъ зеленыхъ болотъ,
Несутся, кружатся, мелькаютъ,
Впадая въ нѣмой хороводъ.
Зловѣщи ихъ бѣлыя пятна...
Тоска охватила меня.
Творя заклинанья невнятно,
Спѣшу осѣдлатъ я коня...
Колышется грудь бадарана,
Грозя чернотой зыбуна.
Какъ бубень священный шамана,
Повисла на небѣ луна...

Настроение, проникающее эти строчки, только малымъ отличается отъ жизнеощущенія якута: на немъ лишь очень незначительный, и притомъ больше формальный, налетъ культурности. Вы такъ и ждете, что вотъ авторъ сброситъ съ себя этотъ опостылѣвшій налетъ и, давши волю «опасенью», самъ въ экстазѣ ринется въ священный плясъ шамана.

Настроение поэта представляется намъ искреннимъ: въ немъ нѣтъ наигранности подъ мистическій элементаризмъ, какъ у некоторыхъ новѣйшихъ нашихъ модернистовъ (имѣю въ виду не С. Городецкаго, а подражателей типа А. Рославлева и прочихъ «дѣлателей» простоты). И это даже и не стилизація,—для стилизацій и тому подобныхъ побрякушекъ небо Якутскаго края слишкомъ не шутитъ съ при-

шельнами, — а подлинный человеческий документ — свидетельство не только поэтического «объясничанья», но, быть может, и невольного опрощения человека вообще. Вѣдь, небо, подъ которымъ дѣють свои чары «тонкія, зеленыя болота», много разъ дарило насъ подобными сюрпризами! Объ этомъ же свидѣлствуютъ Строщевскій, Танъ и другіе бытописатели окраины...

Чтобы покончить съ окраинными мотивами поэзіи Драверта, приведемъ стихотвореніе, наиболѣе полно, хотя и въ скрытомъ видѣ, отражающее настроенія пришельца и являющееся какимъ-то *символомъ* судьбы духовно оборудованнаго субъекта, вырваннаго изъ привычной обстановки и заброшеннаго въ край «печальнаго багульника» и скорбнаго, холоднаго неба:

Хмурое, сѣрое небо въ тоскѣ.
Въ бурьхъ откосахъ угрюмая тѣнь;
Тамъ, за утесомъ, на желтомъ пескѣ,
Смертью настигнутый — бѣлый олень.
Черные вороны возлѣ него.
Черные вороны жадно сидятъ...
Близится грозное ихъ торжество,
Мраченъ упорный, пронзающій взглядъ.
Хриплага карканья слышится звукъ:
Старшая птица сигналъ подаетъ;
Черными крыльями кроется вдругъ
Тѣло оленя, — и пиръ настаетъ...
Хмурое, сѣрое небо въ тоскѣ.
Вѣтеръ свирѣпо по скаламъ бѣжитъ.
Тамъ, за утесомъ, на взрытомъ пескѣ —
Остовъ оленя, бѣлѣя, лежитъ...

«Остовъ оленя» на безотрадномъ фонѣ, усѣянный хищными птицами, «сохатаго скорбныя очи» и т. п. — любимые образы Драверта. И въ этихъ образахъ невольно чувствуется что-то родственное автору, болѣзненно-родное, близкое. Изящное твореніе, какъ изъ бронзы вылитое — весь стремительный, какъ мысль, олень — и тонкія болота, низкорослые кусты березы; очи скорбныя сохатаго, мольба о радости — и хрипло каркающія вороны, жадной стаей ждущія начала пира, — это ли не символы?

Вполнѣ естественно, что объектамъ этой специфической оимовидики въ сборникѣ, посвящено нѣсколько стихотвореній, переносащихъ насъ то на «унылое, бѣдное кладбище», къ

забытымъ могиламъ, то въ дебри лѣсныхъ, гдѣ въ одинокой хижинѣ томится умирающей пришлецъ, и только одна собака съ лаской приближается къ его одру, чтобъ отогрѣть дыханьемъ холодбующее тѣло,—то, наконецъ, рисующихъ картину мирнаго труда, когда гнетущая тоска смѣняется хоть на минуту тишиной, и примиренность посѣщаетъ душу

Сводъ небесъ привѣтливо раздвинуть.
Серпъ луны алѣетъ за косою.
Кверху дномъ челнокъ нашъ опрокинуть.
Сохнетъ неводъ длинной полосой.
День прошелъ въ работѣ оживленной,
Непрерывной съ ранняго утра,
И теперь толпою утомленной
Мы сошлись у яркаго костра.
Мокро платью. Руки серебрятся
Отъ пластинокъ рыбьей чешуи,
А въ глазахъ отзывчиво искрятся
Водяныя гибкія струи.
Шумъ и говоръ, эхомъ повторяясь,
Въ смутномъ гулѣ слышатся опять.
Вечерѣтъ. Пламя, извиваясь,
Заставляетъ тѣни трепетать.
Тишина... На шкурахъ волосатыхъ
Мы лежимъ, съ истомой не борясь,
Подъ луной— въ движеніяхъ крылатыхъ
Облаковъ причудливая вязь...
Легкій сонъ спускается на вѣжды.
Думы кроетъ нѣги пелена.
Уплываютъ грезы и надежды...
Тишина... покой и тишина...

Но какъ бы ни были отрадны эти маленькія минуты примиренности,—душа поэта рвется къ краскамъ юга, плѣнь становится мучительнымъ, и мудрено ли, что *галлюцинирующий* взоръ поэта уже въ краскахъ хмураго, тоскующаго неба прозрѣваетъ сочные «ультрамарины» и «аквамарины», «пурпуръ», «жемчугъ», «бирюзу», «опаль», «алмазы»! Все это, конечно, въ видѣ элѣментовъ можетъ заключаться въ краскахъ сѣвера, но, взятое отдѣльно, въ состояніи изолированномъ, неминуемо должно производить впечатлѣніе погрѣшности противъ мотива специфическаго. Эти же галлюцинаціи ввели въ ошибку и г-на И. К—у, заставивъ его вынести свой безусловно дальтоническій приговоръ, согласно которому—«изъ впечатлѣній бытія Дравертъ улав-

ливаетъ только все ярко-кричащее и проводитъ его сквозь примитивную призму алмазовъ, жемчужовъ, опаловъ и ультрамарина». Заблужденіе г-на И. К — ы, какъ мы уже знаемъ — въ одномъ только словечкѣ... «только».

Два противорѣчія живутъ въ душѣ поэта — югъ и сѣверъ. Югу молится поэтъ, и югу посвящаетъ онъ не мало строкъ, родившихся подъ небомъ сѣвернаго края. Даже «маки» въ сборникѣ тоскуютъ о далекомъ югѣ; югомъ грезятъ «дѣвушки» поэта; югомъ же сулитъ зачаровать поэтъ и свою возлюбленную, — ту самую, «которая ждетъ», и именно равнодушія къ потерянному югу не прощаетъ онъ другой, съ ней расставаясь:

Я понялъ послѣднюю ночью,
Какъ ты отъ меня далека,
И жадно ко мнѣ прилетѣла
Голодная птица — тоска,
А ты равнодушно смотрѣла
На милый потерянный югъ,
Гдѣ ярко горѣли три солнца,
Въ одинъ заключенныя кругъ.

Но даромъ же, даромъ двѣ души живутъ въ груди поэта! Злой отравой напоили грудь зеленыя болота, неизвѣданныя тайны нащентала дикая тайга, вѣчными чарами околдовала сѣверянка. Вотъ уже не строе, не сумрачное небо, не отравный шелестъ недоношенныхъ березъ, и солнце ласково привѣтствуетъ вернушагося странника, и дымъ отечества и сладокъ и приятенъ. Но тоскуетъ неразгаданное въ человѣкѣ по угрюмой сказкѣ, но не радуютъ восторги близкихъ, и туда, на хмурый сѣверъ, тинется мечта поэта; тамъ, блѣлая, остова тонконогаго оленя хищными усьянъ птицами; сохатыя скорбными очами гимнъ рыдающій поетъ о жизни; рыскаетъ въ уныломъ полѣ блѣлоснѣжная собака; и она, все та же неразгаданная сѣверянка, ждетъ возлюбленнаго у опушки лѣса. Сладкая волна любви вздымается въ груди поэта, въ бурный крикъ слагается унылый стихъ, и необузданный гимнъ радости несется на печальный сѣверъ... — «той, которая ждетъ»:

Я ушелъ, когда цвѣты завяли,
Исхудали травы на дугахъ,
И земля, стыдась своей печали,
Утонуть готовилась въ снѣгахъ.
Но, прозрѣвъ грядущее мечтою,
Я увидѣлъ радужные сны —
И весну съ волшебной красотой,

И тебя въ поденѣжникахъ весны.
Ты стоишь съ пурпурною улыбкой,
Взоръ слѣдитъ дорогу на востокъ,
А въ рѣкѣ томится дрожью зыбкой
Безымянный сѣверный цвѣтокъ.
Это будетъ, будетъ неотвратно! —
Мы однимъ лучомъ оплетены.
Суждено вернуться мнѣ обратно
Изъ далекой западной страны...
Я приду съ распадомъ льдовъ Виллюя —
Въ дни, когда, залившн берега,
Онъ възграеть, радостно цѣлуя
Склоны горъ, гдѣ хмурится тайга.
Я вернусь, когда въ цвѣтной одеждѣ
Средь озеръ задышитъ грудь земли,
И меня привѣтствуя, какъ прежде,
Громкимъ крикомъ встрѣтятъ журавли.
Я приду, когда не будетъ ночи, —
Долгій день обниметь вышину;
Но твои единственные очи
Мнѣ замѣнять звѣзды и луну...

Мы не охватили въ настоящей статьѣ всѣхъ творческихъ мотивовъ поэзіи Драверта, ибо преслѣдовали, главнымъ образомъ, цѣль—реабилитировать его творчество отъ обстоятельно аргументированныхъ и все же несправедливыхъ упрековъ г-на И. К—ы. Пройти мимо статьи послѣдняго и сызнова расписывать свои узоры на поэзіи Драверта мы считали и ненужнымъ и литературно-недобросовѣстнымъ. Всякое разумно-аргументированное мнѣніе обязываетъ съ нимъ считаться; изъ столкновенія же мнѣній брызжетъ истина. Г-нъ И. К—а отмѣтилъ въ поэзіи Драверта все ярко-кричащее, мы же нашли въ ней и иные звуки, трогавшіе своими простотой и задушевною проникновенностью. Истину предоставляемъ опредѣлить читателю.

Н. Чужакъ.

Матеріалы для біографіи А. И. Кирилова.

Александръ Ивановичъ Кириловъ родился въ 1854 г. въ с. Рыбинскомъ, Енисейской губерніи и округа. Отець его былъ управляющимъ и компаньономъ золотыхъ промысловъ графа Толстого. Отець А. И. умеръ въ молодыхъ сравнительно годахъ, оставивъ нѣсколько человекъ малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію, потому что все свои деньги, около 20000 р., онъ вложилъ въ предприятие, гдѣ они и погибли, такъ какъ все хлопоты семьи И. Кирилова о возвратѣ денегъ кончились ничѣмъ; вліятельный графъ сумѣлъ удержать ихъ въ дѣлѣ. Семья бѣдствовала. А. И. послѣ смерти отца остался шестилѣтнимъ ребенкомъ и, слѣдовательно, выросъ сиротой. За недостаткомъ средствъ онъ не получилъ никакого образованія. Мнѣ онъ потомъ передавалъ, что читать и писать научился самоучкой.

Въ дѣтствѣ А. И. столько испыталъ горя и нужды, что въ разговорѣ объ этихъ годахъ онъ положительно страдалъ: голосъ падалъ, руки дрожали и бывали случаи, что на глазахъ навертывались слезы. И не даромъ онъ обычно избѣгалъ вспоминать свои „золотые дни“.

Въ 1872 г. А. И. нанялся на золотые промыслы Сибирякова. Проработавъ тамъ до 1875 г., онъ съ просроченнымъ паспортомъ возвращался въ Мальту для явки на призывъ для отбыванія воинской повинности. Шель онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ сотоварищей по работѣ на пріискахъ. Гдѣ то около Усть-Кута имъ пришлось на небольшой лодкѣ переплыть черезъ Лену.

— Поднималась гроза, — рассказывалъ А. И., — но мы не обращали на это вниманія; рассчитывали, что успѣемъ во-время переѣхать чрезъ рѣку. Но только что добрались до середины, какъ поднялся вѣтеръ, волны начали заливать нашу лодочку и на разстояніи отъ берега какихъ-нибудь сажень 30 лодка наша опрокинулась, а мы очутились въ водѣ съ нашими вещами и заработанными деньгами. Вплавъ выбрались на берегъ босыми въ однѣхъ рубахахъ. Пришли въ деревню, просимся обогрѣться — не пускаютъ. Голодны — холодны идемъ дальше. Видимъ, крестьяннѣ косить траву.

Возьми, говоритъ, дядя, насъ поработать. Выспросилъ дядя, кто мы и откуда и согласился взять насъ на работу съ платой по цѣлковому въ сутки. Мы были рады и этому. Заработали нѣсколько рублей и пошли далѣе. Такимъ образомъ добрались до Мальты. Въ ноябрѣ 1875 г. А. И. былъ взятъ на военную службу, которую отбывалъ въ Иркутскомъ резервномъ батальонѣ.

Служба въ то время была не изъ легкихъ. А. И. неоднократно рассказывалъ мнѣ о тѣхъ грубостяхъ и зуботычинахъ, которыя практиковались тогда въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ.

— Болѣе или менѣе вольготно чувствовали мы себя, — вспоминалъ А. И., — только въ кабакѣ П. Р. Кравца*). Кабачекъ этотъ находился какъ разъ противъ нашихъ казармъ. Кравецъ былъ цѣловальникомъ. Обычная выпивка наша не шла далѣе «мерзавчика», но мы за то подолгу сидѣли здѣсь и изливали передъ цѣловальникомъ — старымъ николаевскимъ солдатомъ — свое горе и обиду.

— Э, ребяташки, — говорилъ намъ П. Р., — то ли бывало въ наши времена: зуботычины мы просто *орьхами* называли; ударъ въ подбородокъ или въ лобъ — *равненіемъ лица*. На эти пустяки мы даже не сердились и если рассказывали, то со смѣхомъ. А вотъ вы бы посмотрѣли на шпирютены и какъ ими полосовали солдатскія спины, тогда бы вы другое сказали: У меня и теперь морозъ по кожѣ идетъ, когда вспомнишь о наказаніяхъ шпирютенами...

Въ 1877 году А. И. произвели въ унтеръ-офицеры.

Окончивъ военную службу, онъ, не имѣвшій ни кола и ни двора, въ 1879 г. поступилъ жандармомъ въ Иркутское губернское жандармское управленіе. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ Тунку для надзора за государственными ссыльными. Здѣсь онъ столкнулся съ политическимъ ссыльнымъ Шварцемъ, попавшимъ сюда по какому то дѣлу въ концѣ 1850-хъ годовъ. Шварцъ былъ очень образованнымъ человекомъ; въ ссылкѣ онъ занимался изученіемъ природы, особенно зоологіей. Шварцъ подмѣтилъ въ Кириловѣ человека дѣльнаго и способнаго быть выше жандармскаго формализма

— Бросьте вы, г. Кириловъ, эту пустую процедуру хожденія по квартирамъ политиковъ съ трафаретными справками объ ихъ здоровьѣ. Это, наконецъ, всемъ надобно, въ томъ числѣ, конечно, и вамъ. Въдъ все отлично знаютъ всю ис-

*) Впоследствии богатый человекъ въ г. Иркутскѣ недавно умеръ.

кренность вашихъ заботъ о нашемъ здоровьи. Вотъ вы лучше займитесь-ка другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ для васъ. Ходите-ка мнѣ и учитесь чучелить птицъ и звѣрей. Научитесь—подъ старость хлѣбъ будетъ, а службой вашей вѣкъ не проживете, сегодня служите, а завтра уволятъ. Съ ремесломъ всегда будете у дѣла, будете жить самостоятельно, никому не подчиняясь.

Долго думалъ А. И. надъ предложеніемъ Шварца и, наконецъ, согласился, явившись къ нему съ ружьемъ за плечами.

— Пойдемте, г. Шварцъ, на охоту!

— Давно бы такъ!—оживленно сказалъ Шварцъ.

Послѣ этого Кириловъ постоянно бывалъ у Шварца, дома учился чучелить, ходилъ на охоту.

Отношенія къ ссыльнымъ рѣзко измѣнились. Понятное дѣло, что вскорѣ же послѣдовали доносы по начальству на Кирилова со стороны младшихъ жандармскихъ унтеръ офицеровъ о томъ, что Кириловъ дѣлаетъ разныя послабленія ссыльнымъ, находится съ ними въ дружбѣ и вообще представляетъ изъ себя человѣка неблагонадежнаго. Начальникъ жандармскаго управленія нѣсколько разъ вызывалъ А. И. въ Иркутскъ, дѣлалъ ему внушенія и замѣчанія, советуя бросить знакомство со ссыльными и заниматься жандармскимъ дѣломъ. Наконецъ, доносъ былъ сдѣланъ ген.-губернатору графу Игнатьеву. Въ 1890 г. гр. Игнатьевъ вызвалъ А. И. къ себѣ, прочиталъ въ его присутствіи доносъ и грозно спросилъ:

— Правда ли, что ты, Кириловъ, живя въ Тункѣ, сдѣлался социалистомъ?

— Не правда,—хладнокровно отвѣчалъ Кириловъ.—Я не настолько ученъ, чтобы сдѣлаться имъ.

— А почему часто бываешь у ссыльныхъ?

— Затѣмъ, чтобы удобнѣе было за ними наблюдать.

Немного подумалъ гр. Игнатьевъ и сказалъ:

— Все это хорошо, я ничего не имѣю противъ тебя, но служить тебѣ все таки неудобно, потому что полковникъ фонъ Плотто на тебя очень сердитъ, выходи въ отставку, я дамъ тебѣ другое мѣсто, но предварительно приготовь мнѣ нѣсколько чучель птицъ, я хочу посмотреть твою работу.

Сразу же послѣ разговора съ гр. Игнатьевымъ Кириловъ взялъ ружье и пошелъ подъ Верхоленскую гору. Дѣло было осенью. Здѣсь тогда много водилось коршуновъ. А. И. и думалъ убить одного изъ нихъ и начучелить. Но въ дѣйстви-

тельности подъ горой онъ убилъ не только коршуна, но рябчика, зайца и ворону. Надъ обработкой этихъ чучелъ онъ провелъ три дня, а на четвертый представилъ ихъ гр. Игнатьеву.

— Самъ дѣлалъ? спрашиваетъ графъ.

— Да, самъ,—отвѣчаю я,—но это еще не особенно удачно, потому, что у меня здѣсь въ Иркутскѣ нѣкоторыхъ инструментовъ нѣтъ.

— Сколько стоитъ работа?

— 10 рублей.

— Вотъ тебѣ 10 р. и 10 р. на чай. Молодецъ Кириловъ!—ласково уже проговорилъ Игнатьевъ. —Подавай въ отставку. А когда будешь уволенъ и сдашь все дѣла въ Тункѣ, приходи ко мнѣ.

А. И. такъ и сдѣлалъ. Какъ извѣстно, потомъ онъ поступилъ на службу въ музей географическаго общества. Объ этомъ онъ мнѣ рассказывалъ:

— Уволился я изъ жандармовъ и прихожу въ приемную къ гр.Игнатьеву; вскорѣ же онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «иди, Кириловъ, къ предсѣдателю отдѣла географическаго общества В. П. Сукачеву и скажи ему, что ты — Кириловъ, присланный генераль-губернаторомъ» Какъ сейчасъ помню. Сукачева я нашелъ въ городской управѣ. Всегда вѣжливый и деликатный, В. П. расхвалилъ мою работу, которую онъ гдѣ-то видѣлъ. «Поступайте къ намъ въ музей, въ такихъ людяхъ, какъ вы, мы нуждаемся. Работы у насъ будетъ очень много; сегодня же сходите къ консерватору музея Н. И. Витковскому, онъ вамъ скажетъ, что дѣлать и съ чего начать.»

Такъ произошло мое поступленіе 30 октября 1890 г. въ музей отдѣла въ качествѣ препаратора.

Работы было очень много. На дѣло я приходилъ въ музей въ 6 часовъ утра ежедневно, гдѣ обыкновенно заставалъ уже Витковского, съ которымъ и принимались за работу; мы внимательно осматривали каждый препаратъ и гдѣ только находили какіе-либо изъяны, сейчасъ же исправляли ихъ.

Въ 9 часовъ утра Витковскій уходилъ изъ музея и приходилъ только въ 6 часовъ вечера, а я въ это время уходилъ на охоту или рыбную ловлю, приобреталъ то, что нужно было для музея, согласно указанію Витковского, съ которымъ мы иногда ходили вмѣстѣ, если день былъ праздничный. Кстати сказать, дорогой мы всегда много разговаривали; за этими бесѣдами я узнавалъ то, чего не могъ получить отъ Шварца; между прочимъ, Витковскій заинтере-

ресоваль меня перелетомъ птицъ и совѣтовалъ точно записывать всѣ наблюденія по этому вопросу, а особенно обратить вниманіе на залетныхъ птицъ.

То же самое мнѣ говорилъ и В. П. Сукачевъ, подарившій мнѣ «Жизнь животныхъ» Брэма и атласъ бабочекъ. Книги эти по тогдашнему времени были очень дорогія.

Музейское дѣло пришлось по душѣ А. И. и онъ очень пристрастился къ нему. Постепенно музей становится для него чѣмъ то близкимъ, дорогимъ и, можно сказать, роднымъ. Я самъ лично слышалъ отъ Н. И. Витковского и членовъ распорядительнаго комитета похвальные отзывы о работѣ А. И., какъ хорошаго препаратора и коллекціонера. Эти отзывы были причиной того, что въ 1891 году А. И. пригласилъ въ научную экспедицію извѣстный В. А. Обручевъ, командированный Иркутскимъ горнымъ управленіемъ для изслѣдованія Олекминско-Витимскаго нагорья въ геологическомъ отношеніи. Во время этой экспедиціи А. И., по порученію В. А. Обручева, стрѣлялъ птицъ, собиралъ растенія и даже минералы. Коллекція птицъ и растеній должны были поступить въ музей; потому то распорядительный комитетъ географическаго общества и ассигновалъ въ пособіе экспедиціи 500 рублей; предполагалось, что эти деньги пойдутъ на содержаніе и плату за трудъ А. И. Но В. А. Обручевъ не воспользовался ассигнованными деньгами и Кирилова содержалъ на свой счетъ, или вѣрнѣе на счетъ горнаго управленія.

Въ 1893 г. А. И. командированъ былъ въ Култукъ для сбора ботаническихъ коллекцій.

Въ 1896 г. онъ готовилъ на Нижегородскую выставку промысловыхъ птицъ и звѣрей, за что получилъ отъ комитета выставки похвальный листъ.

Въ 1897 г. отдѣломъ географическаго общества А. И. командированъ былъ въ Тунку для сбора растеній, рыбъ и бабочекъ, а также для составленія дендрологической коллекціи.

Подобныя командировки бывали почти ежегодно.

Александръ Ивановичъ очень жалѣлъ, что не получилъ никакого образованія.

— Эхъ, говаривалъ онъ, — обиженъ я судьбой; хоть бы мнѣ поучиться столько же, сколько напр. Н. П. На каждомъ шагѣ такъ и чувствуешь необходимость ученія. Вотъ я смогрю на бабочку, она на латинскомъ языкѣ называется *Parnassius*, я знаю это на память, а прочитать надпись не умѣю.

Необходимость знанія латинскаго языка была настолько очевидной, что онъ, почти 60-лѣтній старикъ, садился за латинскую азбуку и грамматику. Я часто видалъ его въ музеѣ за этой работой. Постепенно А. И. осилилъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, латинскую премудрость, и за то какъ онъ былъ этому радъ! Въ результатъ усидчиваго труда онъ научился бѣгло читать и писать по латыни. На своей коллекціи бабочекъ онъ всѣ названія писалъ уже по научному.

Лѣтомъ, въ праздничные дни, А. И. всегда уходилъ изъ Иркутска въ лѣсъ „для успокоенія“.

— Люблю природу, я оживаю въ лѣсу, забываюсь отъ житейской суеты, людской злобы и безплодной грызни между людьми. Если бы можно было, выкопалъ бы землянку гдѣ нибудь на Байской горѣ и сталъ бы тамъ жить отшельникомъ.....

Свои наблюденія надъ жизнью природы, звѣрей, птицъ и рыбъ онъ даже записывалъ, напр. въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ записки о пробужденіи весны въ Иркутскѣ и окрестностяхъ города. Записки эти потомъ были переданы А. И. чѣмъ одному натуралисту, который и воспользовался ими, какъ матеріаломъ для статьи, безъ указанія однако источника, о чемъ А. И. всегда заявлялъ своимъ знакомымъ, жалуясь на плагиатъ его труда. вмѣстѣ съ природой Кириловъ изучалъ и жизнь звѣрей и птицъ. Около Иркутска онъ отлично зналъ всѣ мѣста, гдѣ водятся зайцы, рябчики, пѣвчія птицы, утки, гуси и проч. Особенно онъ хорошо былъ знакомъ съ образомъ жизни омуля въ Байкалѣ. Свѣдѣніями Кирилова потомъ воспользовался профессоръ Никольскій. Оцѣнивая по достоинству свѣдѣнія Кирилова, вотъ что пишетъ г. Никольскій въ своемъ руководствѣ. „По словамъ Кирилова, ко времени хода омуль собирается въ стаи. На зиму онъ уходитъ на большую глубину, а въ концѣ мая съ очищеніемъ Байкала отъ льда подходитъ къ берегамъ массама. Не всегда, однако къ опредѣленному мѣсту“ и т. д. На 786 стр. „подробно описывается питаніе омуля и гдѣ онъ спасается во время бурь“. Кромѣ записокъ объ омулѣ и о наступленіи весны въ Иркутскѣ, у А. И. была довольно объемистая тетрадь со свѣдѣніями объ образѣ жизни Байкальской нерпы о способахъ ея ловли. Въ бесѣдахъ со мной онъ часто разказывалъ много интереснаго изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью любовитнаго байкальскаго звѣрька. Очень бы важно выяснить теперь, куда пропала эта тетрадь: въ

оставшихся бумагах покойного я не навелъ ее. Быть можетъ, опять какой нибудь „натуральецъ“ выдастъ ее за свои изслѣдованія. Въ Иркутскѣ это водится. При случаѣ я я особо поговорю о нашихъ плагиаторахъ, которые выдаютъ за свои чужіе словари, карты и т. д.

Помимо личного труда, А. И. помогаль музею и своими многочисленными пожертвованіями, перѣдко довольно цѣнныхъ экспонатомъ, напр. онъ пожертвоваль въ музей карту вымершаго Камчатскаго племени ительменовъ; знатоки стоимость этой карты опредѣляютъ въ 1000 руб.

За такую полезную работу и за пожертвованія въ 1904 году дѣятели в. — с. отдѣла географическаго общества избрали А. И. Кирилова пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ отдѣла безъ денежнаго взноса.

Это былъ свѣтлый лучъ, озарившій сѣрую жизнь незамѣтнаго труженика!

Но лишь на горизонтѣ геогр. общества появились новые дѣятели—реформаторы, какъ нормальная жизнь музея преисключась. Новые «работники» принялись за дѣло съ жаромъ, достойнымъ, впрочемъ, лучшей участи. Составъ распорядительнаго комитета геогр. об-ва прежде всего порѣшилъ изгнать изъ музея препаратора Кирилова подъ видомъ якобы ненужности этой должности и матеріальныхъ интересовъ отдѣла. Въ дѣйствительности же Кирилова гнали за то, что онъ когда то былъ жандармомъ, и за то, что его подозрѣвали чуть ли не въ связи съ охранкой. Конечно, это была наглая ложь; говорю объ этомъ категорически. Затѣмъ, масла въ огонь подлили извѣстные «музейскіе кубики», увезенные «по семейному» изъ музея гг. Львовымъ и Хлодковскимъ для какихъ то, Богъ знаетъ, изслѣдованій. Кириловъ и я вступились за музейское имущество. И началась травля насъ обоимъ.

Я тогда вездѣ трубиль, что новые «реформисты» погубятъ научную сторону музейской жизни, разобьютъ налаженное годами дѣло. Время показало, что я былъ правъ. Реформисты то и дѣло составляли маниловскіе прожекты, которые постоянно превращались въ мыльные пузыри. Такъ, они проектировали сдѣлать безплатной правительскую должность, затѣяли скандальную исторію съ арендаторомъ молочной, находившейся въ саду геогр. общества, искали урановую руду около ст. Слюдянки и разсчитывали оборудовать на разработкѣ этой руды выгодное дѣльце; недавно собирались открыть въ музеѣ кинематографъ (5-й въ городѣ) и

брать на прокат лентъ въ иллюзіонѣ Донъ-Отелло. Словомъ, что ни «сессія» засѣданій распорядительнаго комитета, то и новые пустынные прожекты. Правда, теперь комитетъ какъ будто рѣшилъ «удариться» въ науку. Именно, онъ отправляетъ научную экспедицію на Хамаръ—Дабанъ. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, у комитета первый бливъ вышелъ комомъ. Дѣло въ томъ, что во главѣ экспедиціи ставится человекъ, который въ наукѣ совершенно не извѣстенъ. Между тѣмъ, этотъ «ученый» развернулъ широкую программу для своихъ изслѣдованій, съ которой расц. комитетъ вполне согласился. И бы напомнилъ комитету: 1) за двумя зайцами погонись—ни одного не поймашь; лучше дать небольшую, но опредѣленную задачу и вполнѣ выполнимую; 2) поставить во главѣ экспедиціи человека, хоть сколько-нибудь доказавшаго печатными трудами свою компетентность въ научныхъ изслѣдованіяхъ; можно, напр., пригласить со стороны, изъ столицъ, вродѣ того, какъ зап.-сиб. отдѣлъ геогр. общества нынче пригласилъ извѣстнаго Гр. Ник. Потанина;*); 3) необходимо, чтобы составъ экспедиціи былъ изъ специалистовъ (энтомологи, палеонтологи, метеорологи и т. д.), а не съ бору да съ сосенки, какъ теперь**. Не трудно предугадать результаты подобной экспедиціи. Несомнѣнно, экспедиція сдѣлаетъ «много открытій» и наговоритъ массу «научныхъ словъ на заграничный ладъ». И только. «Ученый» глава этой экспедиціи уже авансомъ подговаривается къ тому, что, дескать, въ виду обширности программы трудно въ одно лѣто выполнить поставленную задачу. Это сознаніе хорошо; худо только, что ученый не сознаетъ своей излишней смѣлости стать во главѣ серьезнаго дѣла.

Таковы то дѣятели—реформисты, поднявшіе травлю на А. И. Кирилова.

До какихъ неразборчивыхъ приемовъ доходила эта травля, читатель можетъ видѣть изъ приводимой здѣсь статьи, напечатанной въ «Сибирскомъ Понедѣльникѣ» лѣтомъ 1910 го-

*) Или, напр. Тобольскій губернской музей пригласилъ для изслѣдованій съвера Тобольской губ. извѣстныхъ Б. Н. Городкова, Шульца и Цолла; министерство путей сообщенія предложило сибирскому литератору В. Я. Шишкову (сотруд. журн. «Завѣты», газ. «Сиб. Жизнь», «Сиб. Новь» и др.) принять участіе въ технической партіи, командированной для изслѣдованія Чечуйскаго тракта до Кошъ—Агача; министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 1300 руб. проф. Б. П. Вейнбергу на научную экспедицію въ Монголію. Все это экспедиціи нынѣшняго лѣта.

***) Съ Г. Н. Потанинымъ ѣдетъ художница А. А. Воронина—Уткина для изученія киргизскаго орнамента. Въ топографической экспедиціи кв. И. Э. Ухтомскаго (въ глубь Монголіи) принимаютъ участіе видные антропологи, не говоря уже о специалистахъ топографахъ.

да, въ разгаръ травли. Я привожу эту статью цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій. Она очень характерна.

Препараторъ А. И. Кириловъ.

Это—любимецъ „кампанія“. Травля препаратора приняла такой ожесточенный и страстный характеръ, что по отношенію къ нему „кампанія“ считаетъ хорошими всѣ средства, которыя бы могли привести къ давно желѣмой ими мечтѣ—изгнанію изъ музея чловѣка, ставшаго имъ поперекъ дороги. И чего-чего только не наговорили на счетъ г. Кирилова! Читатель, вѣроятно, еще помнитъ знаменитую препараторскую корову... Какъ видно, „кампанія“ не только издѣвается надъ личностью и дѣятельностью г. Кирилова, какъ препаратора музея, но даже и надъ его коровами. Дальше некуда идти. Вы упоминаемъ о препараторской коровѣ, конечно, не съ цѣлью зубоскальства, но только съ одной единственной цѣлью, чтобы показать, какъ далеко зашла травля г. Кирилова „кампаніей“.

Въ настоящей статьѣ мы представимъ обществу нѣсколько фактовъ и документовъ, по которымъ бы можно было судить о г. Кириловѣ, его препараторскихъ способностяхъ и отношеніи къ музею.

На общемъ собраніи географ. о-ва въ мартѣ т. г., когда рѣшался вопросъ: быть или не быть при музее препараторской должности, „кампанія“ усиленно доказывала, что г. Кириловъ, какъ препараторъ, никуда не годится. Особенно усердствовалъ въ этомъ направленіи г. Холодковскій, который однако со своими „ораторскими приѣмами“ неоднократно „садился въ галоши“. Такъ, въ началѣ своей „препараторской филиппики“ онъ заявилъ, что, дескать, онъ *не специалистъ по препараторскому искусству*, а дальше въ рѣчи пустился наставлять общее собраніе, какъ нужно производить набивку чучель и разставлять ихъ, критиковалъ „чучела“ г. Кирилова; доказывалъ, что они не имѣютъ „научной цѣнности“.

Такимъ образомъ, получилась маленькая несоразность: съ одной стороны, г. Холодковскій не специалистъ, а съ другой стороны, — даже очень специалистъ, разъ говорить о „научныхъ цѣностяхъ“ и даетъ наставленія общему собранію геогр. общества, какъ нужно препарировать. Другихъ ораторскихъ приѣмовъ г. Холодковского мы не отмѣчаемъ; и если остановились на приведенномъ, то только

Къ выставкѣ иркутской старины.

Мысль о выставкѣ сохранившихся у обывателей г. Иркутска предметовъ старины явилась весной 1912 года.

Кажется, въ апрѣлѣ этого года я зашелъ по дѣламъ редакціи «Сибирскаго Архива» къ завѣдывающему публичной городской библіотекой Н. С. Романову, который состоитъ сотрудникомъ у меня съ самаго основанія журнала. Въ это время у Н. С. Романова былъ В. И. Грачевъ, то же сотрудникъ «Сибирскаго Архива».

Въ общей бесѣдѣ Нить Степановичъ, между прочимъ, высказала мысль объ устройствѣ Архивной Комиссіей выставки *сибирской* старины.

— Это необходимо сдѣлать, потому что очень важно знать, что хранится или что «валяется» въ обывательскихъ рукахъ изъ старинныхъ вещей; быть можетъ, даже явится возможность кое что приобрѣсти въ надежныя хранилища.

Я и В. И. Грачевъ ухватились за мысль Нита Степановича; и всѣ трое принялись за обсужденіе вопроса о технической возможности устройства выставки старины. Мы пришли къ выводу, что 1) въ Иркутскѣ найдется не мало предметовъ старины; 2) помѣщеніе для выставки какънибудь можно подыскать, 3) необходимо, чтобы Архивная Комиссія взяла въ свои руки дѣло выставки; 4) какъ первый въ Сибири опытъ, выставка ограничивается предѣлами одного города Иркутска; 5) экспонаты могутъ относиться и не къ иркутской старинѣ, лишь бы находились у обывателей города.

На другой день послѣ этого я встрѣтилъ М. П. Овчинникова и передалъ ему о нашемъ рѣшеніи. Михаилъ Павловичъ особенно горячо отозвался на мое предложеніе.

— Пусть мы потерпимъ матеріально, но за то будемъ пропагандировать идею о бережномъ отношеніи обывателей къ старинѣ; задача Архивной Комиссіи не только хранить архивы и ихъ разрабатывать, но и воспитывать *исторически* нашихъ сибиряковъ.

На ближайшемъ засѣданіи Архивной Комиссіи я предложилъ на обсужденіе членовъ вопросъ объ устройствѣ въ Иркутскѣ выставки старины.

Вопросъ былъ разрѣшенъ единогласно и въ положительномъ смыслѣ. Это было 6 мая 1912 года. Самую выставку предположено было устроить въ концѣ сентября и началѣ октября. Для ознакомленія мѣстнаго общества съ выставкой рѣшено было заблаговременно помѣстить во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ г. Иркутска соответствующее объявленіе*. Газеты «Сибирь» и «Сибирскія Вѣсти» согласились бесплатно отпечатать объявленія Архивной Комиссіи. Для общаго руководства дѣлами по устройству выставки избранъ былъ специальный комитетъ подъ предѣлательствомъ В. И. Грачева. Членъ Архивной Комиссіи П. В. Собокаревъ изъявилъ согласіе принимать и хранить у себя до выставки представляемые обывателями экспонаты.

Лѣтомъ 1912 года члены выставочнаго комитета и особенно М. П. Овчинниковъ, В. И. Грачевъ, Н. С. Романовъ и отчасти я занялись выясненіемъ наличности въ Иркутскѣ предметовъ старины. Добытыя свѣдѣнія ясно показывали, что за экспонатами дѣло не встанетъ.

Однако устроить выставку въ сентябрѣ не удалось и вотъ почему.

Лѣтомъ 1912 года я познакомился съ отставнымъ генералъ лейтенантъ М. М. Щуцкимъ, который, между прочимъ, высказалъ мнѣ, что онъ не прочь бы принять болѣе или менѣе активное участіе въ жизни Архивной Комиссіи, что онъ

* Вотъ текстъ этого объявленія:

Иркутская Губернская Ученая Архивная Комиссія въ засѣданіи своемъ 6 мая 1912 г. постановила устроить въ сентябрѣ текущаго года въ г. Иркутскѣ выставку предметовъ Иркутской старины. Выставка эта имѣетъ своей ближайшей цѣлью возможно широкое ознакомленіе мѣстнаго общества съ сохранившимися доселѣ памятниками прошлой жизни въ Иркутскѣ.

Въ виду этого Архивная Комиссія обращается ко всѣмъ обывателямъ г. Иркутска съ предложеніемъ принять посильное участіе въ этой выставкѣ, представляющей первую попытку выяснить наши богатства старины. Для детальной же разработки всѣхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ устройствомъ выставки, необходимо предварительное ознакомленіе какъ съ лицами, желающими принять участіе въ выставкѣ принадлежащими имъ предметами, такъ и самими экспонатами.

На выставкѣ предполагается и продажа экспонатовъ.

Архивная Комиссія глубоко вѣритъ, что ея начинаніе встрѣтитъ сочувственный откликъ въ средѣ иркутскаго общества.

Предложенія адресовать на имя предѣлателя Архивной Комиссіи А. И. Линькова (Учительскій Институтъ, или Мастерская, 5; телефонъ № 1028), или на имя П. В. Собокарева (Аукціонный залъ).

интересуется вопросами археологии и вообще истории и что въ этомъ направленіи онъ уже кое что сдѣлалъ.

Послѣ частнаго обмѣна мнѣніями съ нѣсколькими лицами Архивной Комиссіи я рѣшилъ оставить предѣлательство въ Комиссіи, такъ какъ былъ почти переобремененъ своими прямыми служебными обязанностями и работой по изданію и редактированію «Сибирскаго Архива», и передать это предѣлательство М. М. Щуцкому. Это — человекъ свободный и, кромѣ того, могъ оказаться полезнымъ для Архивной Комиссіи въ *дружескихъ отношеніяхъ*.

И дѣйствительно, послѣ моего отказа М. М. Щуцкій былъ избранъ предѣлателемъ.

По вопросу о выставкѣ старины новый предѣлатель нѣсколько разъ высказывался, что въ этомъ дѣлѣ онъ новичекъ, самая идея выставки и постановленіе объ ея устройствѣ принадлежатъ прежнему президіуму и что, хотя онъ готовъ принять посильное здѣсь участіе, но вообще безъ дѣлательной поддержки инициаторовъ выставки онъ не беретъ за оборудование этого сложнаго дѣла.

Въ виду отсутствія подходящаго помѣщенія и занятости инициаторовъ выставки рѣшено было перенести ее съ сентября на рождественскіе праздники. При этомъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что въ праздничное время будетъ больше посѣтителей выставки и тѣмъ вѣрнѣе будетъ достигнута ея цѣль.

На Рождествѣ однако выставка не состоялась. Почему? Объ этомъ говорить пока преждевременно, но заинтересованные члены Архивной Комиссіи причины эти знаютъ.

Что касается лично меня самого, то я не могъ бы принять близкаго участія въ выставкѣ въ теченіе рождественскихъ праздниковъ, потому что въ это время былъ сильно занятъ своимъ журналомъ. Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ бываетъ самое жаркое время въ жизни періодическихъ изданий: разсылаются объявленія, циркуляры, идетъ подписка, составляются проспекты статей и т. д. Однихъ объявленій мнѣ, напр., пришлось разослать свыше трехъ тысячъ пакетовъ. Однимъ словомъ, мнѣ лично на Рождествѣ было не до выставки.

Въ концѣ января и въ февралѣ т. г. вопросъ о выставкѣ принялъ болѣе благопріятное теченіе. Инициаторы выставки рѣшили осуществить ее на Пасхѣ.

На расходы по выставкѣ Архивная Комиссія ассигновала 150 рублей.

Главный Инспекторъ училищъ Восточной Сибири д. с. с. Г. П. Василенко и Городской Голова К. М. Жбановъ разрѣшили устроить выставку въ помѣщеніи Городского 5-класснаго училища.

Работа закипѣла.

Съ понедѣльника страстной недѣли приступлено было къ столярнымъ работамъ по устройству стола и щитовъ, въ четвергъ эти работы были закончены. Съ пятницы начался привозъ и разстановка экспонатовъ. Въ оборудованія выставки принимали участіе: П. В. Собокаревъ, В. И. Грачевъ, М. И. Овчинниковъ, я, и воспитанники мѣстнаго Учительскаго Института*)

Въ слѣдующій разъ я поговорю объ экспонатахъ выставки.

А. Линьковъ.

*) Фамиліи этихъ воспитанниковъ будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ.

„Первый романтикъ русской народности“

(Вад. Вас. Пассекъ).

„Это былъ романтикъ народности Пассекъ, очень замѣченный въ свое время писатель, но рано умершій“.

А. Н. Пытинъ.

„Не оставивъ особенно выдающихся и обширныхъ трудовъ, Пассекъ имѣлъ значеніе, какъ первый романтикъ русской народности, положившій начало болѣе широкой постановкѣ у насъ этнографическихъ изученій“.

Настольн. энциклоп. словарь бр. Гранатъ т. 6-й.

Русская этнографія, какъ и всякая другая отрасль нашей науки и литературы, имѣла своихъ пионеровъ, имена которыхъ для огромнаго большинства читателей остаются неизвѣстными.. Такова участь почти всѣхъ пионеровъ на литературномъ и научномъ поприщахъ, въ особенности — у насъ, въ Россіи.

„Мы лѣнливы и нелюбопытны“ — писалъ еще Пушкинъ о своихъ соотечественникахъ, ставя имъ въ упрекъ равнодушіе къ прошлому своей родины и къ ея дѣятелямъ. Последнихъ мы мало цѣнимъ при жизни, а послѣ смерти — и совершенно забываемъ о нихъ...

Изъ ряда забытыхъ теперь именъ пионеровъ въ области научнаго изученія быта народовъ, входящихъ въ составъ нашего государства, намъ хотѣлось бы воскресить въ памяти читателей скромное имя Вадима Васильевича Пассека, сибирскаго уроженца.

Родиной Вадима Васильевича Пассека былъ гор. Тобольскъ. Здѣсь онъ родился въ іюнѣ 1808 года и провелъ свое дѣтство и юность.

Отецъ Вад. Вас. былъ ссылкой изъ дворянъ-помѣщиковъ, попавшихъ въ Сибирь, благодаря несчастно сложившимся обстоятельствамъ жизни и юношеской неосмотрительности. Несчастья продолжали преслѣдовать отца нашего писателя и на мѣстѣ его ссылки, что заставляло его жить, со своей семьей, въ очень стѣсненныхъ условіяхъ.

„Я родился,—писалъ позже самъ Вад. Вас., — въ то время, когда безопадно тѣснили и терзали мою родную семью, поэтому былъ надолго отдаленъ отъ нея, росъ среди чужихъ, сталъ рано думать и чувствовать и долженъ былъ сосредоточиваться замыкаться самъ въ себѣ“....

Когда Вад. Вас. былъ еще ребенкомъ, на долю семьи Пассековъ выпало особенно суровое гоненіе со стороны тогдашняго тобольскаго губернатора, фонъ-Брина, который въ глубокую осень выселилъ семейство ссыльнаго Пассека куда-то въ деревню, за двадцать верстъ отъ города. Изъ всей семьи въ городъ былъ оставленъ только малютка-Вадимъ, который былъ пристроенъ въ домъ дружески расположеннаго къ его родителямъ инспектора тобольской врачебной управы Керна. Въ семьѣ послѣдняго нашъ писатель и провелъ годы своего дѣтства, пока отецъ его снова не получилъ возможность жить въ Тобольскѣ. Обучался Вад. Вас. въ тобольской гимназіи.

Въ годы его ученія—это былъ тихій мечтательный мальчикъ съ поэтической склонностью. Онъ рано увлекался красотами сибирской природы и очень полюбилъ рассказы о старинѣ.

Съ матеріальной стороны семья Пассековъ жила первое время сносно, т. к. получила часть доходовъ съ харьковскаго имѣнія отца, приходившуюся на долю двухъ сыновей, родившихся до ссылки отца. Но съ теченіемъ времени высылка этихъ денегъ все сокращалась, пока, наконецъ, совсѣмъ не прекратилась. Между тѣмъ, число членовъ семьи увеличивалось,—и, ко всѣмъ перенесеннымъ лишеніямъ, прибавилась матеріальная нужда. Но семья держалась дружно, и старшіе ея члены, работая, добывали средства для поддержанія семьи.

Когда Вад. Вас. шелъ уже 18-й годъ,—отецъ его, отбывшій къ этому времени 20 лѣтъ ссылки, получилъ разрѣшеніе вернуться на родину, въ Евр. Россію. Семья Пассековъ переѣхала въ Москву, гдѣ у нея были родственныя связи.

Покинувъ навсегда предѣлы Сибири,—Пассекъ впоследствии часто вспоминалъ свою родину, продолжалъ любить ее, не смотря на тѣ тяжелыя испытанія, которыя выпали на долю его семьи въ суровомъ сибирскомъ краю.

Объ этомъ рассказываетъ жена Вадима Васильевича—Тат. П. Пассекъ во второмъ томѣ извѣстныхъ ея воспоминаній („Изъ дальнихъ лѣтъ“). По свидѣтельству автора воспоминаній,—уже черезъ много лѣтъ послѣ возвращенія В. В.

Пассека изъ Сибири, его рассказы о лѣтнихъ буряхъ и зимнихъ буранахъ въ Сибири, о его дѣтствѣ и первой юности, проведенныхъ въ Тобольскѣ, были до того живы, что уносили и его слушательницу въ ту дальнюю жизнь въ тотъ невѣдомый ей край, въ которомъ онъ родился и выросъ...

Въ одной изъ своихъ раннихъ статей: „Странное желаніе“, напечатанной спустя нѣсколько лѣтъ,—уже послѣ смерти В. В. Пассека, — въ сборникѣ: „Литературный вечеръ“ (изданномъ кружкомъ близкихъ друзей—литераторовъ въ пользу его семьи),— В. В. Пассекъ, описывая „цвѣтущія степи“ юга Россіи, между прочимъ, вспоминалъ о Сибири.

„А я—кто повѣритъ?—писалъ онъ,—я часто желалъ бы снова перенестись на мой родной Иртышъ, или въ глубину сибирскихъ лѣсовъ, не пробужденныхъ отъ вѣка ни сѣкирою, ни голосомъ людей“...

Вскорѣ по возвращеніи въ Евр. Россію семьи Пассекъ, Вад. Вас. вступилъ въ ряды слушателей московскаго университета по юридическому факультету. Среди университетской молодежи того времени бродилъ идеалистическій романтизмъ, къ которому Вад. Вас. былъ склоненъ уже отъ природы. Въ университетѣ Пассекъ сошелся и очень сдружился съ Герценомъ (поступившимъ въ университетъ нѣсколько позднеѣ Вад. Вас.—ча). Ихъ,— по словамъ біографа Пассека А. Н. Пыпина, —соединили общія наклонности, интересы къ наукѣ и поэзіи, стремленія къ осуществленію въ жизни нравственно-общественныхъ идеаловъ. Только послѣ въ нихъ мнѣніяхъ стали сказываться различныя оттѣнки,— что, одно время, и вызвало охлажденіе между ними“...

Пассекъ женился на «корчевской кузинѣ» Герцена—Татьянѣ Петровнѣ Кучиной, впоследствии написавшей извѣстныя воспоминанія: «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Послѣ окончанія Вад. Вас.—чемъ университетскаго курса, ему было предложено (въ 1834 г.) занять кафедру русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ. Но когда Пассекъ явился туда,—ему объявили, что онъ не можетъ быть допущенъ къ чтенію лекцій, вълѣдствіе его сношеній съ молодежью, арестованною въ Москвѣ на вечеринкѣ за пѣніе недозволенныхъ пѣсень.

Послѣ этого Вад. Вас. поселился въ своей родовой деревнѣ, въ Харьковской губ., гдѣ и прожилъ около двухъ лѣтъ, занимаясь этнографическими и статистическими изученіями.

Будучи причисленъ (въ 1836 г.) къ министерству внутр. дѣлъ по статистическому отдѣленію, онъ представилъ въ

слѣдующемъ году въ министерство свое историко-статистич. описаніе харьковской губ., которое и было напечатано въ официальномъ изданіи министерства.

Затѣмъ, по порученію министерства, Пассекъ составилъ такое же описаніе Таврической губерніи, для чего ѣздилъ въ Одессу и Крымъ. За этотъ трудъ онъ получилъ награду отъ м — ства.

Изъ литературныхъ работъ Вад. Вас. первую была его книжка: „Путевыя записки Вадима“, изданныя въ Москвѣ въ 1834 г. съ посвященіемъ Тат. Петр. Пассекъ (книжка эта имѣла всего 180 стр.). По словамъ А. Н. Шыпина, эта книга заключала въ себѣ „много историко-поэтическихъ фантазій о протекшихъ вѣкахъ“, настоящихъ же „путевыхъ записокъ“ въ ней не было. „Тѣмъ не менѣе, — продолжаетъ названный изслѣдователь, — она любопытна для исторіи народныхъ изученій. Народно-историческій интересъ въ то время только что складывался: чувствовалась недостаточность прежней, чисто внѣшней, государственной исторіи, и возникала потребность изслѣдовать основы внутренней жизни народа, его бытовые и нравственные идеалы. Это стремленіе, еще поэтически-неопредѣленное, особенно выразилось у Пассека, — и оттого имя его называлось въ то время съ большими сочувствіями: онъ отвѣчалъ на созрѣвшую потребность.“*)

Въ началѣ „Путевыхъ записокъ“ авторъ предается воспоминаніямъ своего дѣтства и юности, проведенныхъ въ Сибири, и рассказываетъ о впечатлѣніяхъ суровой и угрюмой сибирской природы, о сибирскихъ народно-историческихъ преданіяхъ. „Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній“, — говоритъ о себѣ, между проч., авторъ. Въ дальнѣйшей части книги онъ рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ по переѣздѣ изъ Сибири въ Евр. Россію, о Москвѣ, знаменитый кремль которой переноситъ автора въ далекую старину русской народной жизни, столь отличной отъ жизни Зап. Европы — и т. д. Много мѣста въ книгѣ отводится Украинѣ, второй родинѣ автора.

Роль историка и задачи исторіи Пассекъ понималъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. „Тотъ не историкъ, кто не мыслитель и не поэтъ — пишетъ онъ. И дальше: „тотъ не понимаетъ исторіи народа, кто не объемлетъ умомъ, не сочувствуетъ сердцемъ малѣйшимъ движеніямъ его внутренней жизни; кто не видитъ, какъ живетъ прошедшее въ настоящемъ, кто думаетъ возсоздать жизнь лишь ко однѣмъ лѣтописямъ,

*) См. «Изученія русской народности (истор. литер. обзоръ)». А. Шыпина въ «Вѣстк. Евр.» за 1882 г., кн. 11-я

или остаткамъ искусства,—и въ настоящемъ бытѣ не видить основныхъ началъ, по которымъ дѣйствовало минувшее, и станеть дѣйствовать грядущее... Должно умомъ и сердцемъ взглядѣться въ *настоящій бытъ народа!* Должно *быть* съ нимъ, видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, подѣ всеми впечатлѣніями обстоятельствъ и условіями вѣшней природы“...

Не забудьте, читатель, что все это писалось въ началѣ 30-хъ годовъ пр. стол., когда у насъ еще всецѣло парилъ *карамзинскій* взглядъ на исторію.

Съ 1838 года Пассекъ, вмѣстѣ со Срезневскимъ, приступаетъ къ выпуску историко-этнографическаго изданія: «Очерки Россіи». Всего, до смерти Вад. Вас., вышло пять выпусковъ этого изданія. Цѣлью этого изданія было содѣйствовать распространенію свѣдѣній о нашемъ отечествѣ. Наибольшая часть статей, вошедшихъ въ «Очерки», принадлежала перу самого редактора-издателя ихъ. Вад. Вас. писалъ здѣсь по вопросамъ: физической географіи и исторіи Россіи, быта инородцевъ и др. Съ особенною любовью онъ погружался въ историческія воспоминанія и въ описанія народнаго быта, останавливаясь на поэтической и обрядовой сторонѣ послѣдняго. Рядъ такихъ статей былъ написанъ имъ по личнымъ наблюденіямъ сельской жизни и сопровождался имъ самимъ записанными пѣснями.

По этому поводу жена Вад. Вас. рассказываетъ въ своей, уже упомянутой выше, книгѣ «Изъ дальнихъ лѣтъ»:

«Изучая языкъ и жизнь народа, Вад. Вас. постоянно сблизался съ нимъ по деревнямъ: записывалъ повѣрія, сказки, пѣсни; рисовывалъ виды, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, одежду; бывалъ на празднествахъ и сельскихъ ярмаркахъ, такъ любимыхъ малороссами»...

Эти статьи Пассека, по мнѣнію А. Пыпина, заключали въ себѣ матеріалъ, цѣнный для науки, чего нельзя сказать объ остальномъ содержаніи «Очерковъ». Но, тѣмъ не менѣе, —добавляетъ Пыпинъ,— «Очерки» и вообще дѣятельность Пассека останеться любопытнымъ литературнымъ фактомъ, какъ одно изъ симпатичныхъ выраженій той искренней любви къ народу, которая уже въ ту пору одушевляла новыхъ дѣятелей народнаго изученія, и вскорѣ же произвела въ этой области труды, столько же важныя для нравственнаго самосознанія общества, сколько и для науки»...

Наряду съ изданіемъ «Очерковъ Россіи»,—Пассекъ не покидалъ и своихъ статистическихъ изслѣдованій. Въ 1841 году, по порученію министерства, онъ приступаетъ къ ста-

тистическому описанію Московской губ., по образцу выполненныхъ уже имъ рабѣ. Это описаніе было признано образцовымъ.

Между тѣмъ матеріальныя обстоятельства жизни Вад. Вас. были крайне плачевны. Онъ хотя и считался на службѣ у м—ства вн. д., — но жалованья ему не выдавали, до назначенія на вакантную должность. Дѣло дошло до того, что весной 1842 г. Пассекъ, по предложенію архимандрита Симонова монастыря Мельхиседека, взялся составить историческое описаніе этого монастыря за вознагражденіе въ 300 руб. Но, выполнивъ эту работу, Вад. Вас. отказался отъ полученія за нее денегъ, прося, вмѣсто этого, отвести ему и семьѣ его мѣсто для похоронъ на монастырскомъ кладбищѣ...

Въ томъ же году Вад. Вас-чу пришлось воспользоваться выговореннымъ условіемъ: сначала—для ребенка, а вскорѣ затѣмъ—и для себя самого. Лѣтомъ онъ простудился, а къ осени болѣзнь осложнилась и приняла въ концѣ концовъ роковой изходъ. 25 ноября Пассека не стало...

Не стало писателя, въ историко-этнографическихъ взглядахъ котораго, при всей его романтической идеализаціи, нельзя не признать оригинальности и широты наблюденій, которыя, если бы автору суждено было повести свои работы далѣе, — могли бы выработаться въ опредѣленную стройную теорію.

Немногочисленные труды Пассека, не имѣя большихъ научныхъ заслугъ, сохраняютъ за собою свое историческое значеніе. Это,—по выраженію А. Н. Пыпина,—предисловіе къ наступившимъ вскорѣ затѣмъ спорамъ славянофиловъ и западниковъ о русской національной идеѣ и къ болѣе глубокой постановкѣ этнографическихъ изученій.

Н. Дубровскій.

О судьбѣ Шаповскихъ бумагъ.

Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ жилъ въ Иркутскѣ съ 1864 года по день смерти 27 февраля 1876 года.

Живя въ Иркутскѣ, онъ постоянно занимался литературной работой, помѣщая статьи въ журналахъ: «Дѣло», «Отечественныя записки» и въ «Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла географ. общества». Послѣ его смерти, за отсутствіемъ родныхъ, была приглашена полиція и все имущество было описано, запечатано и, по требованію Лаврова, главнаго кредитора Шапова, сдано ему. Сначала онъ продавалъ ихъ, но затѣмъ въ виду того, что между бумагами Шапова находилась рукопись о Туруханскомъ краѣ, принадлежавшая сиб. отд. геогр. о-ва, готовая къ печати, а также много книгъ изъ бібліотеки отдѣла, — все имущество умершаго было отобрано у Лаврова, всего 6 ящичковъ, и доставлено въ отдѣлъ. Собственные книги и вещи Аф. Прокопъ вскорѣ переданы были родному брату Шапова, а три ящика съ рукописями и книгами остались въ отдѣлѣ, который назначилъ комиссію для разбора бумагъ Аф. Пр. Но какъ разъ въ это время (1879 годъ) случился пожаръ города и зданіе отдѣла со всеми его коллекціями и бібліотекой сгорѣло. Сгорѣли и ящики Шапова, еще не распечатанные и не разобранные.

Аристовъ въ біографіи Шапова упоминаетъ, конечно, на основаніи какихъ-то извѣстныхъ ему данныхъ, что изъ сочиненій А. П., написанныхъ имъ въ Иркутскѣ, многое осталось въ рукописяхъ и сохранились — ли послѣднія, или нѣтъ — неизвѣстно.

П. П. Суворовъ, офицеръ, служившій въ интендантствѣ и хорошо знакомый со Шаповымъ въ послѣднее время, сообщилъ между прочимъ, что Шаповъ много писалъ и послѣ его смерти должно остаться не мало рукописей.

У А. П. Шапова было два брата священника; одинъ (имя неизвѣстно) умеръ вскорѣ по пріѣздѣ А. П. въ Иркутскъ. Второй братъ, Григорій Прокопьевичъ, былъ священникомъ въ с. Голодѣвскомъ и, надо предполагать, ему вы-

дали изъ географическаго отдѣла три ящика имущества, принадлежавшаго Щапову.

У Григорія Прокопьевича было пять дочерей: Ольга, Дарья, Марія, Тапсія и Евдокія. Дарья Григорьевна (по мужу Вдовина) скончалась, остальные все здравствуют и понынѣ. Ольга была выдана замужъ за дьякона Николая Подгорбунскаго (теперь священникъ) — Ему вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ достались и ящики съ книгами и писаніями Аф. Прок. и онъ увезъ ихъ съ собою въ с. Бирюльское (на Илгу), куда былъ переведенъ на службу.

Тамъ онъ жилъ 25 лѣтъ, ящики съ книгами и старыми бумагами стояли въ амбарѣ и на нихъ никто не обращалъ вниманія. Ихъ грызли мыши, они портились отъ сырости и т. д. Два года тому назадъ о. Николай получилъ переводъ въ Косую Степь. Приготовляясь къ переѣзду, семейство Подгорбунскаго не знало какъ поступить съ ящиками старыхъ бумагъ, которыхъ было нѣсколько пудовъ. Полагая, что бумаги эти везти съ собою не къ чему, да и хранить ихъ незачѣмъ, рѣшено было предать ихъ сожженію. Сынъ Подгорбунскаго говорилъ мнѣ, что онъ хорошо помнитъ, какъ разрывалъ старыя слежавшіяся тетради, исписанныя мелкимъ, неразборчивымъ почеркомъ, какъ бросалъ въ огонь связки писемъ, перевязанныя веревочкою и т. д...

У о. Николая Подгорбунскаго въ настоящее время, должно быть, случайно сохранилась отъ печальнаго «Ауто-да-фе» «небольшая кппа старыхъ бумагъ изъ «тѣхъ» уничтоженныхъ ящиковъ. Что есть въ этихъ бумагахъ — неизвѣстно. Сынъ Подгорбунскаго, пріѣзжавшій на время въ Иркутскъ, случайно привезъ одинъ листикъ изъ сохранившейся кппы. Листикъ этотъ увидалъ букинистъ Д. И. Лужинъ и сказалъ, что это писаніе Аф. Прок. Щапова.

Дѣйствительно, это можетъ изъ дневника нашего сибирскаго писателя, которымъ родина его можетъ по праву гордиться. Онъ въ числѣ немногихъ уцѣлѣлъ отъ огня и, какъ драгоценность, долженъ быть сохраненъ. Листокъ этотъ въ двѣ страницы, на сложенномъ вдвое поллистѣ бумаги Сущкина № 6.

Каждая страничка раздѣлена на двѣ части. Длина строчекъ не болѣе полуторыхъ вершковъ. Почеркъ очень мелкій, нитеобразный; строчки близко одна отъ другой. Это привычка Щапова писать экономно, по 60—65 строкъ на страницѣ.

Разобрать написанное трудно*).

Сынъ Подгорбунскаго передавалъ мнѣ, что у тетки его Маріи была связка писемъ Щапова, которыя она передала сестрѣ Таисіи Григорьевнѣ Щаповой, учительницѣ въ переселенческомъ пунктѣ

По поводу рукописей А. П. я имѣлъ разговоръ со священникомъ Подгорбунскимъ и онъ сказалъ, что не знаетъ, что бумаги, хранившіяся у него больше двадцати лѣтъ, были писанія Афанасія Прокопьевича. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ редакторъ „Восточнаго Обозрѣнія“ Ив. Ив. Поповъ спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ, гдѣ находятся бумаги А. П. Щапова, выданныя въ 1876—1877 гг. изъ отдѣла геогр. общ. брату Щапова Григорію, т. е. тестю, и онъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Конечно, у А. П. Щапова, по всей вѣроятности, хранилась переписка съ его друзьями и знакомыми, наконецъ дѣловая переписка по поводу изданія его сочиненій. Послѣ смерти его жены, Ольги Ивановны (Жемчужниковой), навѣрное, осталась переписка ея съ родными и дядей Меліоранскимъ.

Были у А. П., навѣрное, дневники и записки, веденныя имъ въ 1863 году во время ученой экспедиціи къ устьямъ р. Енисея и экспедиціи 1874 года для этнографическаго изслѣдованія въ приленскомъ краѣ. Сохранялся, навѣрное, необработанный матеріалъ, собранный во время этихъ поѣздокъ.

И вотъ судьба бумагъ Щапова: часть сгорѣла въ пожаръ Иркутска 1879 г., а часть сожжена по невѣдѣнію!!!

Свѣдѣнія о жизни Щаповыхъ въ Иркутскѣ весьма недостаточны, они ничѣмъ не пополнились со времени появленія книги проф. Ариостоа, который жаловался на скудость біографическихъ данныхъ.

Этотъ пробѣлъ въ біографіи Щапова могъ быть пополненъ только изъ бумагъ и писемъ, оставшихся послѣ его смерти, но бумаги эти все уничтожилъ огонь и намъ современникамъ только приходится сожалѣть о дорогой потерѣ.

* Листокъ этотъ находился на выставкѣ старинн. бывшей въ г. Иркутскѣ 15—21 апрѣля 1913 г. Очень многіе изъ посѣтителей интересовались рукописью А. П.—ча. Редакторъ.

Очень интересно узнать, что въ себѣ заключаетъ пачка старыхъ бумагъ Щапова, хранящаяся у св. Подгорбунскаго и много ли еще найдется въ ней листовъ изъ дневника А. П. и есть ли въ дѣйствительности у Таисіи Григорьевны Щаповой письма ея извѣстнаго дяди.

Н. Моѣвъ.

Редакторъ-Издатель **А. И. Линьковъ.**